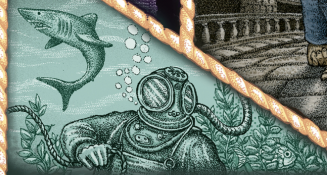

Арнольд Веллингс

НОВЫЕ
СТРАНСТВИЯ
САЛЛИ
ДЖОНС

Якоб Вегелиус

Новые странствия

Салли Джонс

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67555337

Вегелиус Я. Новые странствия Салли Джонс: Белая ворона; Москва;

2022

ISBN 978-5-00114-319-2

Аннотация

Что скрывает старый моряк, владелец плешивого и слепого петуха? Он что-то знает о Салли Джонс? Или ему что-то от нее нужно? Раскрыв одну тайну, можешь оказаться на пороге куда большей и сложной, а еще – в начале нового путешествия.

Книги Якоба Вегелиуса про Салли Джонс – это истории странствий, напастей и счастливых избавлений. Несмотря на эффектное смешение жанров, главная находка в книге – героиня. Горилла, мыслящая не хуже человека, умеющая писать, но не способная говорить. Ее жизнь – огромное, почти бесконечное приключение, продолжающееся в каждой новой книге.

Содержание

Предостережение	39
Часть первая. Луна-парк Брокдорфф	43
1. Вечерний гость	44
2. Скипидар и стружки	51
3. Мир развлечений	58
4. Неожиданные встречи	64
5. Признание гадалки	69
6. Карантин	77
7. Перо	81
8. Нарушение договора	87
9. Невидящее око	93
10. Спаржа и лангусты	97
11. Королева Тежу	102
12. Тайна «Хадсон Квин»	108
13. <i>Pinctada Margaritifera</i>	114
Часть вторая. Шетланд Джек	121
14. Ромбэк и Ромбэк	122
15. Фарфоровая девушка	128
16. Ли Цзинь	135
17. Остров Терсди	140
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Якоб Вегелиус

Новые странствия

Салли Джонс

Text © Jakob Wegelius, 2020

Illustrations © Jacob Wegelius, 2020

© Мария Людковская, перевод, 2021

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2021

* * *

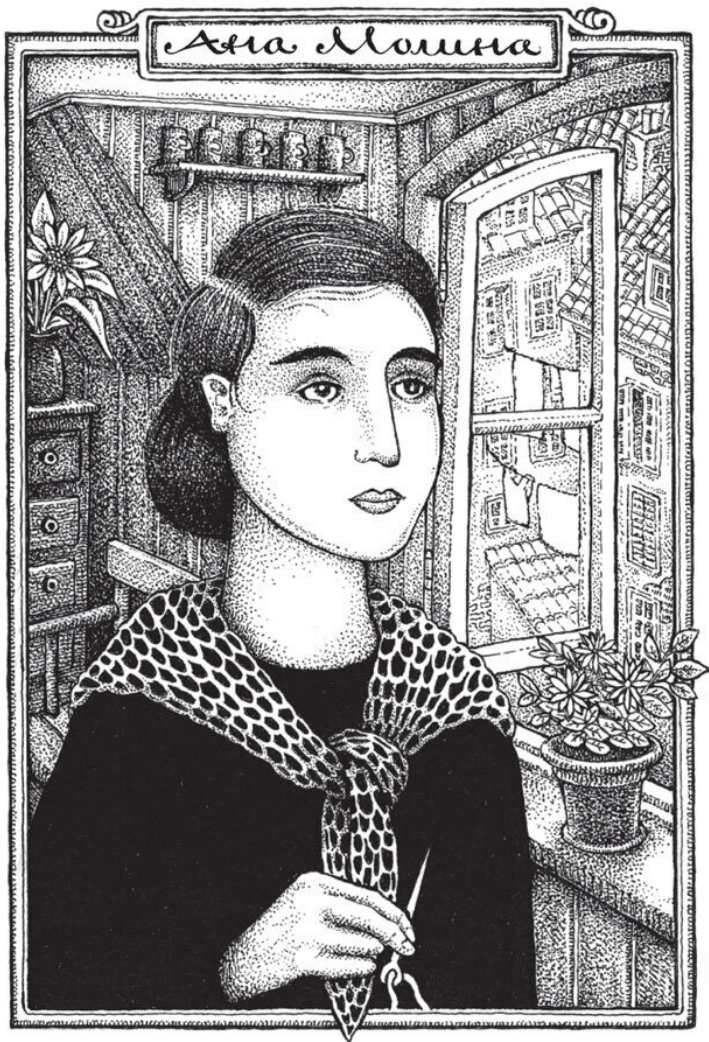
Салли Джонс
First Engineer

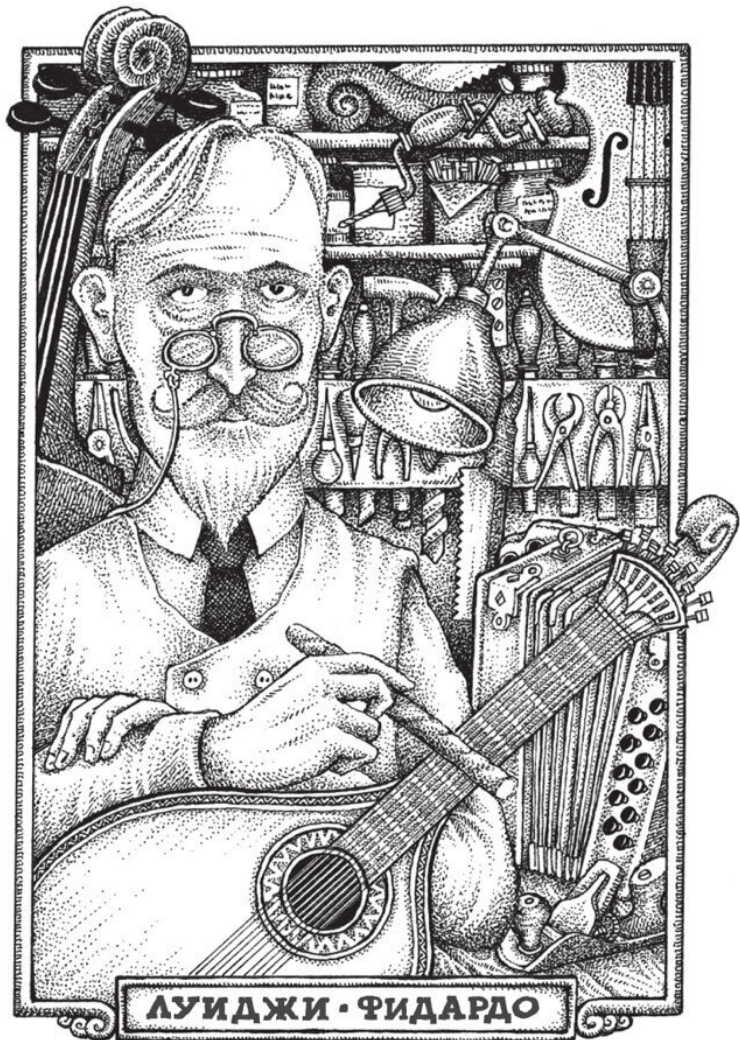

Тенри Кокера

Али Морица

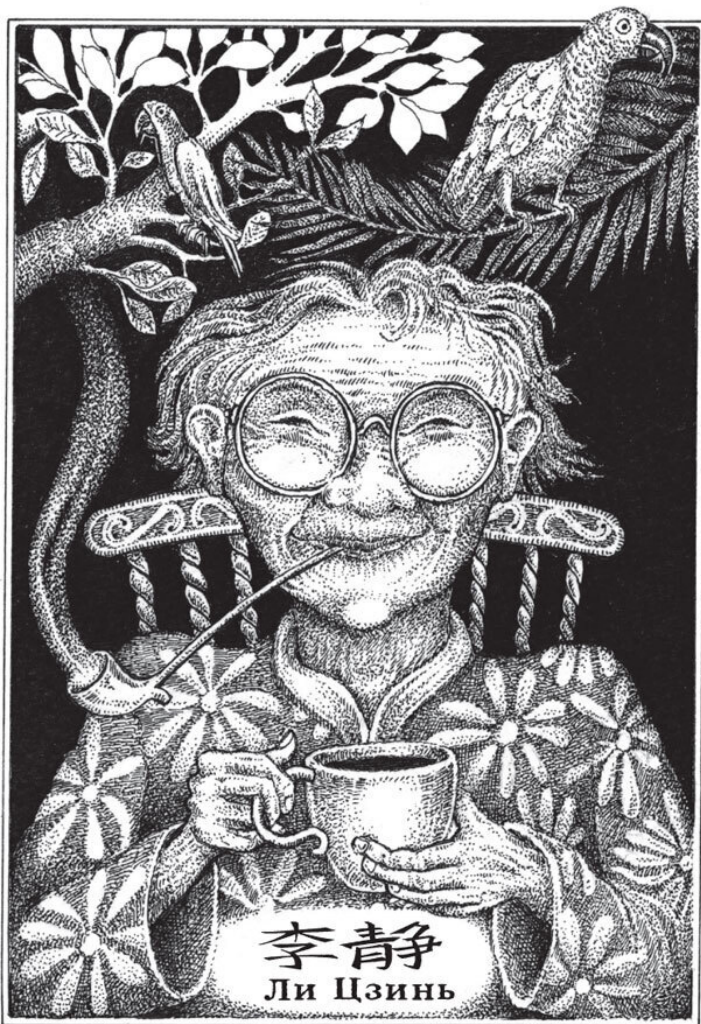
ЛУИДЖИ · ФИДАРДО

Доктор Роза Домингес

ХАРВИ ДЖЕНКИНС & ПЕТУХ

МОРТИМЕР ГОРДОН

Noon Record UPCOMING RACES

Noon Record GLASGOW

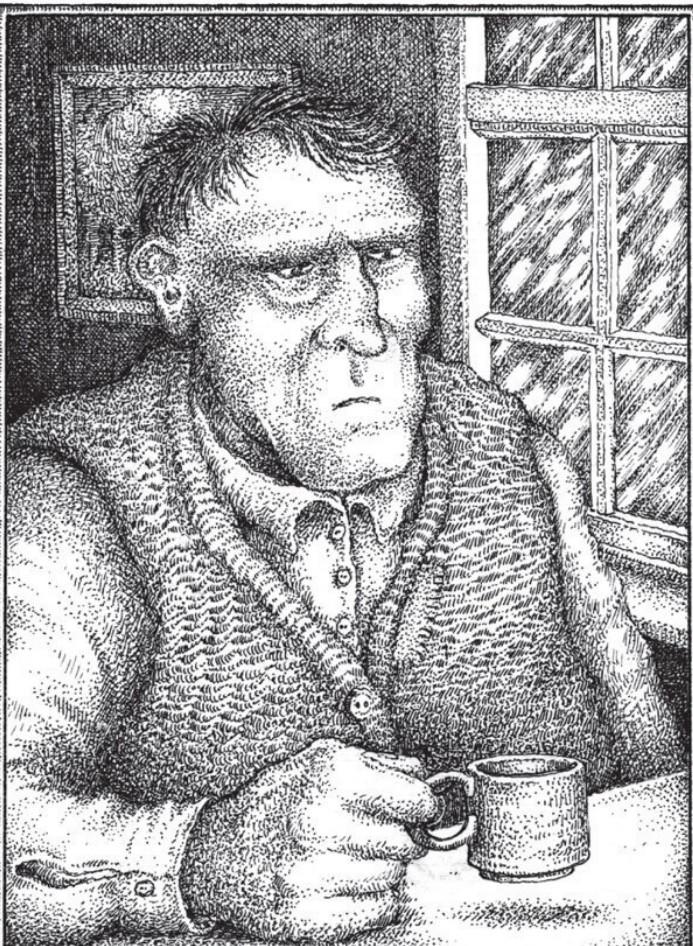
WINNERS FOR HAMILTON PARK

Р·І·С·І·Е·Р·С·А·Т·А

ФЛОРЕНЦА
ТАРАНТЕЛЛО

А·Т·У·А·О·М·О·Р·Т·А

БЕРНИ МЯСНИК БРОУДИ

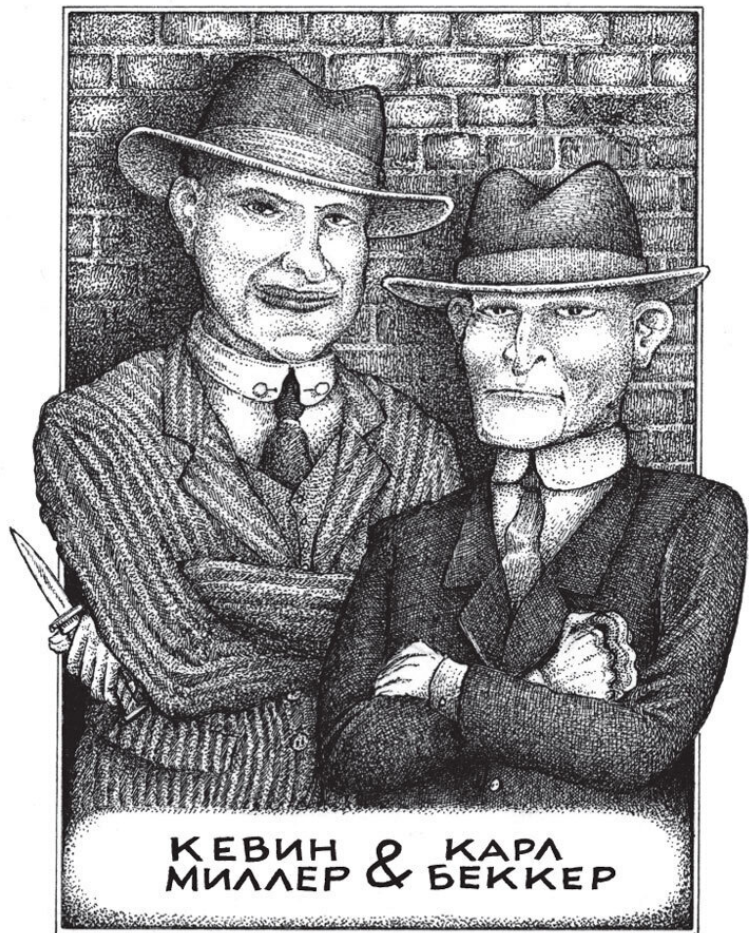

Гло́рия Трѣѣ

LUCKY·LUCY'S

SOCIAL·CLUB

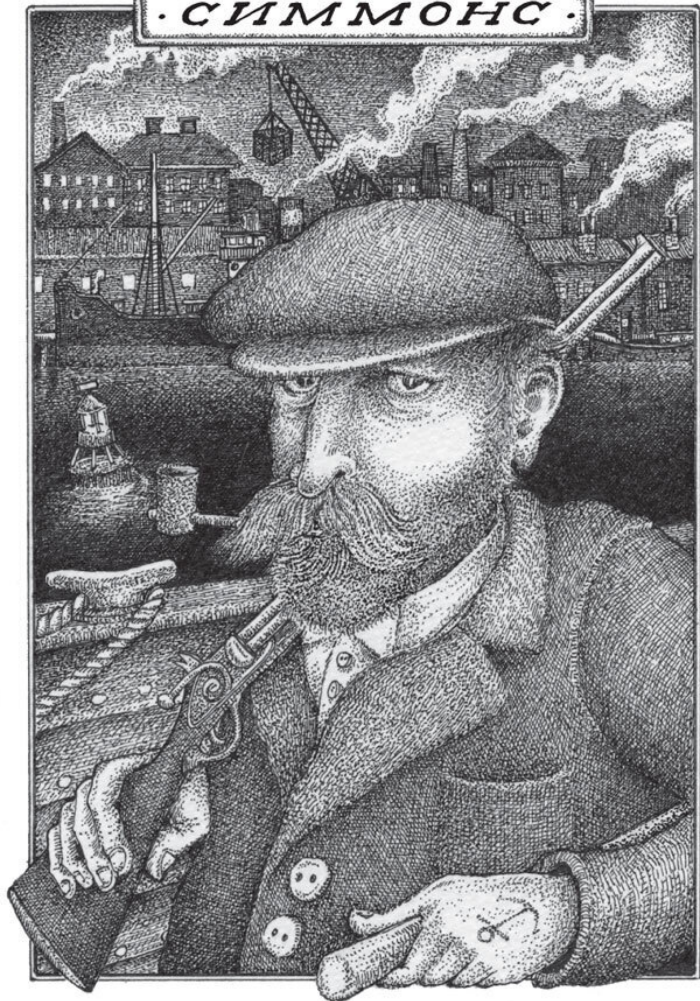

РЕЙЗОР КВИН

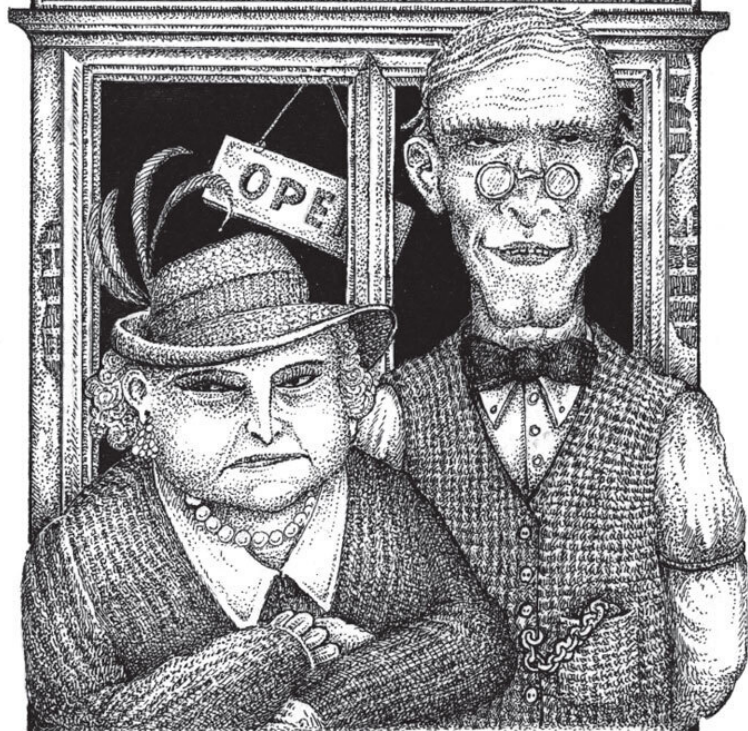

Томми Тарантелло

· СИММОНС ·

OSTWALD STREET ANTIQUES

Риона & Енок Ричи

Джек Уло
1910

Мадам Лафуркад

Предостережение

Для мадам

Вы просили меня написать все, что я знаю о человеке по имени Шетланд Джек. И я это сделаю. Я расскажу Вам о его суровой жизни. И страшную правду о его жестокой смерти.

Однако история Шетланд Джека с его смертью не закончилась. Она стала частью моей собственной истории. О чем мне тоже придется написать, хотя это непросто. Многое из того, что случилось со мной в этот год, я предпочла бы забыть.

Чтобы рассказать все от начала до конца, мне понадобится недели две или три. Или даже целый месяц. Но, если хотите, можете читать по частям по мере того, как я пишу. Каждый вечер я буду оставлять новые страницы на столике красного дерева у рояля в большой гостиной.

Машинка, которую Вы мне дали, очень хороша. Я никогда не печатала на империале. У меня есть старенький ундервуд № 5, но он остался в Лиссабоне. Лежит в моем рундуке на борту «Хадсон Квин».

«Хадсон Квин» – это наш бот. Когда-то мы со Старшим купили его в Нью-Йорке, и с тех он заменил нам дом и кормил нас. На нем мы прошли почти все большие мо-

ря и океаны, а портов, где стояли на погрузке и разгрузке, не счесть.

Пять лет назад мы пришвартовались в Лиссабоне. Нам поручили забрать изразцы в городке под названием Ажиере. Ажиере стоит на реке Зезере, в двух десятках километров от Лиссабона на северо-восток страны. Работа показалась нам легкой, но обернулась большим несчастьем. В Ажиере на «Хадсон Квин» напали бандиты, и бот затонул на реке.

Мы со Старшим спаслись. Но, когда добрались до Лиссабона, Старшего арестовала полиция. Его обвинили в том, что он убил человека по имени Альфонс Морру, и приговорили к двадцати пяти годам тюрьмы.

Внезапно я стала просто ничейным бездомным животным в большом незнакомом городе. По улицам с криками носились люди, они искали меня. Они называли меня «обезьяной убийцы» и хотели расквитаться со мной.

Я потеряла Старшего. И «Хадсон Квин» тоже. Мне некуда было податься и не на что уповать. Но, когда я уже думала, что мне конец, я повстречала Ану Молину. Если бы не она, я бы погибла. Хотя все вокруг твердили, что я бешеная обезьяна убийцы, Ана спрятала и защитила меня.

Ее дом стал моим домом. А ее друг, скрипичный и гармонный мастер синьор Фидардо, стал моим другом. Он позволил мне работать у себя в мастерской и обучил своему ремеслу. Благодаря синьору Фидардо я умею неплохо чинить гармоники и, если надо, могу даже поменять гриф на гитаре.

С помощью Аны и синьора Фидардо я со временем узнала правду о гибели «Хадсон Квин» и убийстве Альфонса Морру. На это ушло три долгих года. В конце концов Старшего освободили. День, когда он вышел из тюрьмы, стал самым счастливым днем моей жизни.

Вскоре мы со Старшим вернулись в Ажиере. Нам удалось поднять «Хадсон Квин» и отбуксировать до Лиссабона. Все это время бот пролежал на дне реки и теперь был похож на старое разбитое корыто. Чтобы наскрести денег на ремонт, мы брались за любую работу, которая подворачивалась в лиссабонском порту. Но платили мало, к тому же почти все что мы зарабатывали, уходило на пропитание и другие нужды.

Мы заново оборудовали кают-компанию и начали восстанавливать рубку. Но дел еще невпроворот. Хуже всего, что из-за взрывов пострадал большой котел. Даже не представляю, где нам взять денег на новый. Поэтому иногда я сомневаюсь, сможет ли «Хадсон Квин» вновь бороздить большие моря.

Я рассказываю все это потому, что история о «Хадсон Квин» отчасти продолжает историю Шетланд Джека. Позже Вы поймете, что я имею в виду.

Сейчас и Лиссабон, и «Хадсон Квин» кажутся бесконечно далекими. В окно башни я вижу, как на востоке, над лесистыми холмами, встает солнце. Теплые лучи окрасили всю долину в огненно-рыжий цвет. А внизу, у кромки реки, из-за деревьев выплывает и снова прячется утренний туман. Только что я видела, как Старшой сел на велосипед и поехал к большой дороге. Думаю, он отправился в Лодев за новым полотном для Вашей паровой пилы. Если так, то, возможно, когда он вернется, я тоже смогу ее опробовать. Это было бы здорово.

Ведь Старшой рассказывал Вам, как мы познакомились. Видно было, что поначалу Вы с недоверием отнеслись к его словам. Но это ничего. Многие не верят, что горилла способна выучиться на судового механика.

Дело в том, что почти всю свою жизнь я прожила среди людей, на их условиях. Поэтому я уже не просто животное. Но и не человек. Кто же я? Это мне до конца не известно. Единственное, в чем я уверена, – так это в том, что я – друг моих друзей. И этого вполне достаточно.

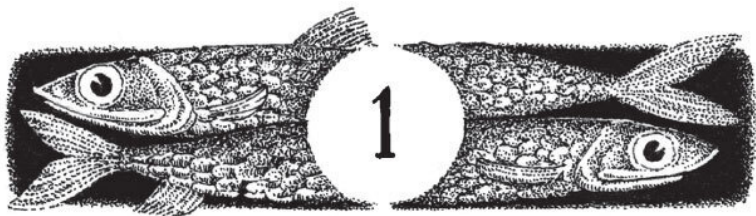
Хоть мы с Вами, мадам, знакомы совсем недавно, я отношу Вас к числу своих друзей. И потому должна Вас предупредить. Вы попросили меня рассказать страшную историю. И печальную. Будьте готовы к тому, что узнаете такое, о чем, возможно, предпочли бы не знать никогда.

Часть первая. Луна- парк Брокдорфф

ЧАСТЬ ✦ ПЕРВАЯ

1. Вечерний гость

Сперва я расскажу о Харви Дженкинсе. Ведь с него все началось. На нем и закончилось.

Впервые мы повстречали Дженкинса в Лиссабоне. Это было апрельским вечером в прошлом году. Весь день мы таскали ящики со льдом в рыбном порту. Рассчитались с нами частично рыбой, выдав полкило анчоусов к ужину. Старшой сел на палубе чистить картошку, а я развела на камбузе огонь в плите. С деньгами у нас было туго, но топлива мы не жалели. Дровяной ларь у плиты всегда был до отказа набит старой древесиной. В тот вечер, чтобы приготовить ужин, я взяла несколько досок из старой обшивки кают-компанияи.

Поставив картошку, мы взяли полотенца и мыло и сошли на берег. Баню мы позволяли себе не часто, раз или два в месяц, а остальное время мылись в Тежу. Чуть выше по течению вода вполне чистая, там есть и мостки, и кабинка для переодевания.

Мы искупались и медленно пошли обратно вдоль пирсов.

Низкое солнце бросало на воду золотые и красные блики. Старшой насвистывал. Уже почти две недели его не покидало приподнятое настроение – с тех пор, как его взяли вторым механиком на пассажирский пароход «Фуншал». Через несколько дней он взойдет на борт и пробудет в плавании целый месяц.

До места стоянки «Хадсон Квин» оставалось метров пятьдесят, когда я увидела, что на боте кто-то есть.

– Интересно, кто это? – сказал Старшой и сложил ладонь козырьком, чтобы разглядеть получше. – Лишь бы не за деньгами. Мы же уплатили портовому сторожу за пресную воду?

Я кивнула. Насколько я знала, долгов у нас не было.

Подойдя ближе, мы увидели, что поджидавший нас человек не слишком похож на портового служащего. Длинное поношенное пальто, шляпа с узкими полями, которая, казалось, мала ему на несколько размеров. На плече сидит какая-то крупная сероватая птица.

Незнакомец разглядывал рынду, висевшую на мачте. Заслышав шаги, он обернулся. Не спеша выпустил старый, видавший виды бронзовый колокол и двинулся нам навстречу.

– Так-так, – сказал Старшой. – И кто же вы будете?

На вид я дала бы ему лет шестьдесят. Незнакомец улыбнулся и протянул руку, покрытую выцветшими моряцкими татуировками. На худом обветренном лице – сетка из тысячи морщин. Птица при ближайшем рассмотрении оказалась

петухом. И, судя по всему, очень древним. Сквозь редкое оперение тут и там проглядывала бледная кожа. Глаза, водянисто-белесые и невидящие, пялились в одну точку.

– Дженкинс, – сипло, с заметным шотландским акцентом отвечал незнакомец. – Харви Дженкинс. Извините, что поднялся на борт без спросу. Вы капитан?

– Да, – сказал Старшой.

– Я просто шел мимо, – объяснил Дженкинс. – И увидел вашу лодку. Это же «клайд-паффер»! Таких полно на западном побережье Шотландии. Я сам ходил на таком механиком. Мы почту возили и всякий товар из Глазго на Гебриды. Хотя это уже давненько было.

Старшой просиял. Не часто встретишь человека, который знает, что за судно наша «Хадсон Квин».

– Может, позвольте одним глазком заглянуть в трюм? – спросил Дженкинс. – Воспоминания... сами понимаете...

– Смотреть там особо не на что, – со вздохом ответил Старшой. – Она три года пролежала на дне реки.

– Неважно, – сказал Дженкинс. – Приятно снова взойти на «паффер».

Вот так и получилось, что Старшому пришлось показать «Хадсон Квин» человеку по имени Харви Дженкинс. Дженкинс облазил все укромные уголки, поэтому экскурсия длилась долго. Я тем временем жарила анчоусы. Старшой предложил Дженкинсу поужинать с нами, и тот согласился.

Мы просидели на камбузе часа два. Дженкинс поинтере-

совался, как «паффер» оказался здесь, в Лиссабоне. И Старшой рассказал о том, как мы нашли «Хадсон Квин» в Нью-Йорке лет десять назад и обо всех путешествиях, что мы совершили на ней с тех пор.

А потом Харви Дженкинс поведал свою историю.

– Я провел в море бог знает сколько, – сказал он. – Но однажды мне все опостылело. Я навсегда забросил это дело, осел на берегу, купил небольшую ферму в Оклахоме. В глуши, посреди Америки, подальше от моря. У меня были куры, свиньи и пара коров. И пять акров пахотной земли. Как-то раз я запряг лошадь и поехал в Саут-Бенд купить семян и рассады. А когда через два дня вернулся, дом пропал. Свиньи и коровы тоже. И хлев, который я построил сам, своими руками. Исчезло все. Мимо прошел торнадо. Такое там бывает, в Оклахоме. Среди развалин лежал этот петух, скорее мертвый, нежели живой. Это все, что оставил мне смерч. Я забрал бедолагу с собой, так мы с тех пор и колесим с ним по свету.

Петух раскрыл клюв, и Дженкинс дал ему кусочек картошки.

– Сейчас мы в парк аттракционов нанялись, – рассказывал дальше Дженкинс. – Неплохая работка. Можно мир посмотреть. В Лиссабоне мы уже с неделю стоим, все шатры и повозки на пустыре у Кайш-ду-Содре. Я на карусели работаю, слежу за паровым двигателем, а Петух... ага, я так его и зову... Петух детей пугает своими зенками.

Птица подалась вперед, склонила голову на бок и вытаращила слепой глаз. За что получила в награду еще кусочек картошки.

– Заходите как-нибудь вечером, – продолжал Дженкинс. – Вход бесплатный. А на карусели можете кататься сколько влезет!

– Спасибо, – сказал Старшой. – Но меня взяли на одно линейное судно¹, и через несколько дней я ухожу в плавание. В Бразилию. А до этого у меня еще куча дел. Так что с каруселью придется обождать – покатаемся, как вернусь в Лиссабон.

Дженкинс поглядел на Старшого, потом на меня, потом снова на Старшого.

– Ясно... – помедлив, сказал он. – То есть, выходит, пока вы будете в море... Салли Джонс останется одна?

Старшой кивнул.

– Салли Джонс прекрасно управляется сама. К тому же у нее в городе друзья.

Дженкинс посмотрел на меня в раздумье. Как будто какая-то мысль засела у него голове.

Они еще немного поболтали, Дженкинс поблагодарил за угощение и, пожелав Старшому семь футов под килем, со-

¹ Линейное судно движется из одного порта в другой по регулярным, закрепленным за ним маршруту и расписанию, в отличие от трампового судна, которое будет упомянуто в этой истории чуть ниже. Маршрут трампового судна определяется каждый раз отдельно и не связан с регулярным расписанием. – *Здесь и далее прим. пер.*

брался уходить. Когда мы стояли у трапа, Дженкинс повернулся ко мне и сказал:

– Я вот что подумал. Из тебя вышел бы хороший смотритель карусели. Горилла, да еще механик... ты просто создай, чтобы работать в парке аттракционов!

Мы со Старшим переглянулись.

– Мы берем любую работу, – сказал Старшой, – ни от чего не отказываемся. Нам нужны деньги на починку «Хадсон Квин».

Я кивнула. Смотритель карусели – это звучало заманчиво.

– Отлично, – ответил Дженкинс. – Правда, вот гарантировать ничего не могу. Сейчас работы для тебя нет. Но народ в луна-парке взбалмошный. Приходят, уходят как вздувается. Не успеешь глазом моргнуть – и место свободно. Но я посмотрю, что можно сделать. Вот это уж я обещаю!

На том мы и распрощались. Мы со Старшим подтянули на ночь швартовы, а Дженкинс зашагал прочь с Петухом на плече.

Я задумчиво глядела им вслед. Дженкинс показался мне неплохим малым. Но что-то с ним было не так. Что именно, я сообразить не могла.

Только через полчаса, забравшись в подвесную койку и задув фонарь, я поняла, что меня смутило в нашем госте.

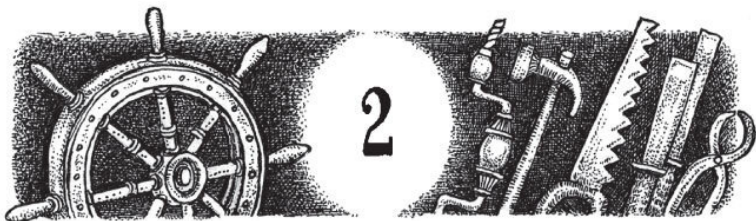
Увидев меня, он ни капли не удивился.

Люди, которые встречают меня впервые, всегда удивляются. Они задают вопросы. Не мне, конечно, а Старшому. И он объясняет, что я, хоть и горилла, понимаю человеческую речь и исполняю свою работу не хуже любого другого судового механика.

Но Харви Дженкинс ни о чем таком не спросил. Как это возможно?

Ответ, наверно, прост, решила я. Дженкинс, должно быть, столького навидался на своем веку, что его уже ничем не удивишь.

2. Скипидар и стружки

Через четыре дня Старшой должен был явиться на борт парохода «Фуншал». В то утро шел дождь. В ноздри бил запах сточных вод и холодного рассвета, когда мы тащили его вещмешок на место стоянки «Фуншала» в Дока-де-Алкантара.

Огромный пассажирский лайнер прибыл накануне вечером и всего через несколько часов должен был снова отчалить, взяв курс на запад, в Рио-де-Жанейро.

Старшой был полон предвкушений и, наверно, немного нервничал тоже. Зимой он подрабатывал на одном из пассажирских катеров, принадлежавших портовой конторе, но сейчас ему предстояло отправиться в первое настоящее плавание за почти что пять лет.

Я надеялась до отплытия хоть одним глазком взглянуть на машинное отделение «Фуншала», но у вахтенного матроса, дежурившего у трапа, было распоряжение не пускать посторонних. Пришлось нам проститься на пирсе.

– Береги себя, – сказал Старшой и хлопнул меня по плечу. Я кивнула, и он взошел на борт. Долгие прощанья были не по нашей с ним части.

Вместо того, чтобы вернуться на «Хадсон Квин», я пересекла Праса-ду-Комерсиу и пошла вверх по крутым и извилистым улочкам Алфамы. Дождь перестал, и от нагретой солнцем брусчатки шел пар. Кое-где уже открылись кафе, переулки были забиты повозками, развозившими молоко, фрукты, рыбу и мясо в магазины и кабаки.

Синьор Фидардо и Ана Молина живут в доме у небольшого безымянного парка в том месте, где узкая темная Руа-ду-Салвадор встречается с более широкой и оживленной Руа-де-Сан-Томе. Музыкальная мастерская синьора Фидардо занимала первый этаж. Я вошла, колокольчик на двери зазвонил. Пахло скипидаром, стружками и хорошо смазанными стальными инструментами. Синьор Фидардо сидел, склонившись над рабочим столом. Лампа свисала с потолка так низко, что белые волосы, казалось, пламенели в ее теплом свете.

– Одну секунду, – сказал он, не поднимая головы.

Я тихонько прошла в свой угол. У меня на столе лежала маленькая двухрядная ручная гармоника, разобранный на части. Хозяин просил полностью отремонтировать ее, и синьор Фидардо поручил это мне. Он сказал, что самому

ему некогда, хотя дело было не в этом. Зная, что Старшой уходит в море, синьор Фидардо подумал, что мне будет веселее работать у него в мастерской, чем торчать одной на «Хадсон Квин». И был совершенно прав.

У стола, прислоненный к стене, стоял наш корабельный штурвал. Это был добротный штурвал, вырезанный из дуба и укрепленный мощными латунными накладками. Но, как и все остальное на «Хадсон Квин», он сильно пострадал от воды, пока бот лежал на дне Зезере. Лак отслоился, древесина местами почернела. Чтобы привести штурвал в порядок, нужны были столярные инструменты для тонких работ, поэтому я и притащила его сюда. Но это могло и подождать. «Хадсон Квин» стояла, где стоит. Штурвал ей понадобится еще не скоро.

Через некоторое время синьор Фидардо расправил плечи и обернулся.

– Доброе утро, дружочек, – сказал он, глядя на меня поверх очков. – Ты пришла как раз к утреннему кофе.

Синьор Фидардо переоделся в свой белый костюм, и мы отправились в кафе «Нова-Гоа» на Руа-ду-Салвадор и выпили по чашечке кофе прямо у стойки. Синьор Фидардо никогда не выходит из дома в рабочей одежде. Он очень следит за своим внешним видом. Интересно, есть ли еще хоть один человек, который надевает пижаму перед тем, как прилечь днем?

Много часов спустя, когда колокола на церкви Граса возвестили о наступлении вечера, мы отложили инструменты. Я навела порядок и подмела пол, а синьор Фидардо налил рюмочку «Кампари» себе и большой стакан молока мне. Потом мы сидели молча и не спеша потягивали свои напитки. Так синьор Фидардо всегда завершает рабочий день. Он одинаково щепетилен во всем: и в выборе одежды, и в ритуалах.

В окно над моим столом постучали. Вошла Ана с полной холщовой сумкой в руке.

– Не хотите поужинать? – спросила она. – Я купила артишоки. И кое-чего еще.

– Спасибо, с удовольствием, – ответил синьор Фидардо. – У меня не было других планов.

Они посмотрели на меня, и я кивнула.

– Вот и замечательно! – сказала Ана. – А как ты проводила Генри? Все в порядке?

Ана всегда называет Старшего Генри. Кроме нее, так почти никто и не говорит. Хотя это его настоящее имя.

Ана живет наверху, с видом на крыши Алфамы. В ее квартирке я пережила не только одни из самых лучших мгновений моей жизни, но и несколько самых худших. Однако, как ни странно, стены не напоминают мне о страшном, а хранят

только лучшее. У Аны я чувствую себя дома, почти так же, как на «Хадсон Квин».

Я давно уже не видела Ану такой веселой, как в тот вечер. За ужином она рассказала, что только что отказалась от большого турне по Европе. Всю осень Ана выступала в музыкальных театрах Парижа и Мадрида и теперь решила, что с нее хватит красивых столичных сцен. Вместо этого она хочет вернуться к своей работе на обувной фабрике в Алкантаре, а по вечерам петь с музыкантами в маленьком обшарпанном кабачке «Тамаринд» на Руа-де-Сан-Мигел, где исполняют фаду².

Именно в «Тамаринде» Ана когда-то начала петь для публики. И там же ее впервые увидел директор оперного театра Сан-Карлуш виконт Оливейра. Виконт уговорил Ану выступить в Сан-Карлуш, и после этого Ана стала звездой.

– Зря ты отказалась от гастролей, Ана, – решительно высказал свое мнение синьор Фидардо. – Такой шанс выпадает не многим фадисткам.

Ана улыбнулась.

– Я знала, что ты так скажешь, Луиджи. И виконт тоже так говорит. Но меня устраивает моя жизнь. Зачем менять то, что и так хорошо, только потому, что представился случай? Мне нравится петь здесь, в моем городе, для друзей и сосе-

² Португальский жанр фаду, грустных лирических песен, берет свое начало в портовых кварталах Лиссабона начала XIX века. Исполняются фаду, как правило, под португальскую гитару или в сопровождении небольших струнных оркестров.

дей. Если состоятельные люди из Лондона и Парижа хотят послушать мои песни, пусть приезжают сюда. В «Тамаринде» всем рады.

Синьор Фидардо закатил глаза и обреченно пожал плечами. Ана засмеялась.

– Не волнуйся, Луиджи. Уверена, я еще съезжу на гастроли. К тому же, я записываю новую пластинку. Это же хорошо, правда? Возьми еще артишок и попробуй овечьего сыра из Бейры, который я купила на рынке!

Синьор Фидардо нехотя взял кусочек сыра. Его мрачное, недовольное лицо смягчилось, и скоро они уже судачили о соседях и общих знакомых. Я устроилась на диванчике и слушала вполуха. Мне было покойно и радостно. А от вкусной еды немного клонило в сон.

Часа за два до наступления полуночи я вышла из дома на Руа-де-Сан-Томе. Ана предлагала мне, пока Старшего нет, пожить у нее, но я отказалась. Не хотелось оставлять «Хадсон Квин» совсем без присмотра.

Внизу на реке по пустынным причалам гулял влажный ночной бриз. Между дрожащими пятнами газовых фонарей было темно, хоть глаз выколи. Я прибавила шагу, постоянно оглядываясь. Ночью в порту надо быть начеку.

Был отлив, и, чтобы попасть на борт «Хадсон Квин», мне пришлось спуститься по трапу. Открывая камбуз, я увиде-

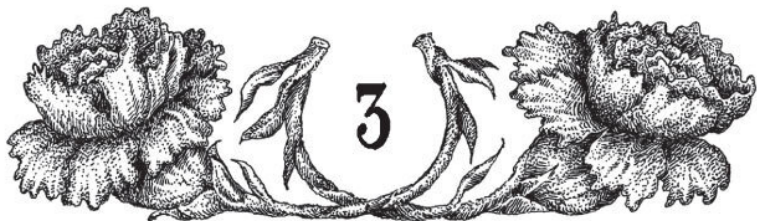
ла под дверью сложенный лист бумаги. Я заперлась и зажгла над столом керосиновую лампу. Потом развернула записку и прочла:

В луна-парке для тебя есть работа.

*Приходи на Руа-да-Муэда (рядом с Кайш-ду-Содре)
завтра вечером в 7.*

Харви Дженкинс

3. Мир развлечений

На следующий вечер я ушла из мастерской синьора Фидардо сразу после шести. Я быстро пробралась сквозь людскую толчею на крутых улочках Моурарии, купив по дороге хлеба и кусочек сыра. Внизу, на Праса-Мартин-Мониш, я догнала трамвай и запрыгнула на заднюю площадку. Трамвай разогнался и помчал по широким торговым улицам Байши. Ветер приятно обдувал лицо.

На город упали сумерки, один за другим зажглись фонари. Я соскочила у Кайш-ду-Содре и дальше пошла пешком туда, откуда доносились смех и музыка. Вскоре я оказалась на пустыре, освещенном огнем, который вырывался из больших жестяных бочек. Там, у карусели с истертыми деревянными лошадками, кружившими под брезентовым куполом, стояло с десятков ярких разноцветных повозок. Лязг карусели заглушали звуки вальса, что раздавался из внушительных размеров шарманки, на которой играла женщина в красном

форменном кителе.

Возле будки, где продавались билеты на карусель, выстроилась небольшая очередь. На крыше будки огромная вывеска гласила:

ЛУНА-ПАРК БРОКДОРФФ – МИР РАЗВЛЕЧЕНИЙ!

И вдруг меня осенило: неплохо бы соблюдать осторожность. Ни я, ни Старшой толком не знали Харви Дженкинса. Что, если он заманил меня сюда с недобрым умыслом? Меня ведь и раньше обманывали.

Впрочем, парк не показался мне подозрительным. Разве что слегка обветшалым и неряшливым, какими нередко бывают странствующие луна-парки. В окошках повозок можно было купить карамельки и лимонад. Какая-то пожилая женщина продавала гвоздики влюбленным. В одном шатре сидел здоровенный лысый парень и боролся на руках со всеми, кто отваживался бросить ему вызов. Он называл себя Франсуа ле Фор и утверждал, что он самый сильный человек во Франции. В другом шатре гадалка, имевшая связь с миром духов, предсказывала судьбу. Звали ее Маргоша, и приехала она из самой Одессы, что на Черном море.

За заборчиком свистела и пыхтела паровая машина, которая заставляла карусель вращаться. Рядом на деревянном стуле дремал Харви Дженкинс, нахлобучив шляпу на самый нос. Петух нес вахту у него на плече и, когда я перелезла через заборчик, затопал ногами. Дженкинс открыл глаза.

– Приветствую, – сказал он и сдвинул шляпу на затылок. Он раскинул руки, как бы знакомя меня с парком.

– Вот, полюбуйся: наше увеселительное заведение на колесах. Как тебе?

Я пожала плечами. Дженкинс сипло рассмеялся.

– Та еще развалюха, – добавил он, – зато билеты на карусель дешевые, а Маргоша сулит блестящее будущее всем, кому гадают. Так что недовольным отсюда никто не уходит. Но сейчас я познакомлю тебя с директором Брокдорффом.

Дженкинс свистом позвал к себе билетершу, седовласую женщину с книгой под мышкой, и попросил ее пригладить за паровой машиной.

Контора директора Брокдорффа располагалась в одной из повозок. Директор был маленький худой человек с прямым масляным пробором и вощенной козлиной бородкой, в длинных кальсонах на помочах и заляпанной ночной сорочке.

– Ага, вот и чудо-обезьяна, – сказал он, увидев меня. – Превосходно, Дженкинс. И как вы разделите обязанности?

– Я возьму смену с двенадцати до семи, а там меня сменит Салли Джонс и будет работать до закрытия.

Директор Брокдорфф выудил из нагрудного карману пачку купюр и отслюнявил несколько штук.

– Твое жалованье – шесть эскудо в день. Здесь двадцать четыре эскудо. Через восемь дней, в субботу, получишь ровно столько же. Это будет твой последний рабочий день. В

воскресенье мы снимаемся с места.

Я взяла купюры. Сумма была мизерная, но все же немного больше, чем я ожидала.

Когда мы вернулись к карусели, Дженкинс объяснил, как работает двухцилиндровая паровая машина и что от меня требуется. Если двигатель забарахлит, я должна как можно скорее устранить неполадку, пока народ не начнет возмущаться и не потребует вернуть деньги. Под стулом был ящик с инструментами.

Дженкинс постоял рядом, пока я пробовала запустить карусель. Потом взял бутылку вина, припрятанную за паровой машиной.

– Увидимся завтра вечером, – сказал он и, подмигнув, сунул бутылку в карман. – А я отправляюсь в Байрру-Алту на свидание с одной прелестной вдовушкой. Мы с ней давеча познакомились, ее зовут Евлалия, и она, скажу я тебе, готовит вкуснейший луковый пирог!

Дженкинс приставил палец к полям шляпы и, весело насвистывая, удалился. Проходя мимо цветочницы, он выдернул из ее большого букета несколько красных гвоздик.

Мой день теперь кончался поздно, но меня это не смущало. Однако синьор Фидардо переживал, что я нашла себе вечернюю работу.

– Ты в самом деле успеваешь нормально есть и высыпать-

ся? – спросил он.

Я кивнула, но синьор Фидардо мне явно не верил. А на следующий день раздобыл где-то матрас и положил его в чуланчике перед мастерской.

– Ты должна спать днем – хотя бы полчаса, – сказал он строго. – А потом мы пойдем в город, и я накормлю тебя ужином. И тогда уже можешь идти на эту свою новую работу. Ну, договорились?

Странная вещь с синьором Фидардо: чем добрее его намерения, тем строже он притворяется.

Больше всего в новой работе мне нравилось то, что меня никто не трогал. Случалось, конечно, что некоторые посетители подолгу висли на заборе, окружавшем паровую машину, и с любопытством разглядывали меня, но подумаешь – мне не привыкать.

Зато работники парка едва обращали на меня внимание. У всех своих забот хватало. Из тех немногих, с кем я все-таки познакомилась, была женщина из билетной будки. Ее звали Сильвия Дюбуа, и она была матерью лысого силача Франсуа ле Фора.

– Бедный малыш Франсуа не может никуда устроиться, – объясняла она. – А без мамочки он пропадет. Вот я и путешествую вместе с луна-парком.

Сильвия Дюбуа обожала книги. Раньше она работала в Па-

риже букинистом, торговала старыми книгами с собственного лотка. И теперь, пользуясь случаем, целыми днями читала. Сильвия Дюбуа могла принимать деньги и выдавать билеты, не отрываясь от книги.

Иногда, устав сидеть в своей будке, она приходила ко мне поболтать. В один из первых вечеров она спросила:

– А вы с Харви Дженкинсом, как я понимаю, давно знакомы?

Я покачала головой.

– Нет? – удивилась она. – Надо же, я думала, вы старые друзья.

Я снова покачала головой.

Сильвия Дюбуа посмотрела на меня поверх очков для чтения.

– Странно, – сказала она. – Чего же ради он так хлопотал? Маргошу вовлек...

Но тут кто-то подошел купить билет на карусель, и Сильвия Дюбуа вернулась в свою будку.

Ее вопрос озадачил меня. Поэтому, когда парк ближе к полуночи закрылся, я пошла к билетной будке в надежде, что Сильвия Дюбуа объяснит, что же она имела в виду. Но она, видно, уже об этом забыла. И, вопросительно посмотрев на меня, велела идти домой, раз я на сегодня закончила.

4. Неожиданные встречи

Наступило воскресенье, первое с тех пор, как Старшой ушел в плавание.

Я встала рано, чтобы побольше успеть в мой единственный выходной. Небо затянуло серой, набрякшей дождем пеленой, с Атлантики дул холодный и влажный ветерок. Отличная погода для того, чтобы обстукивать ржавчину в трюме.

Некоторые говорят, что сбивать ржавчину – дело трудное и нестерпимо скучное. И они совершенно правы! Это грязная и монотонная работа. Не верьте, если кто-то станет утверждать обратное. Через час я вынуждена была прерваться, чтобы немного размять спину и вдохнуть свежего воздуха. Я поднялась по трапу машинного отделения и пошла на камбуз согреть остатки утреннего кофе. Камбуз у нас на баке, рядом с моей маленькой каютой. Туда попадают через сходный тамбур. Внизу, на последней ступеньке, я так сильно вздрогнула от неожиданности, что чуть не повали-

лась назад.

На камбузе стоял Харви Дженкинс. Петух склонил голову и тарасился на меня одним из своих незрячих глаз.

— А, вот и ты наконец, — сказал Харви Дженкинс и улыбнулся. — Прости, если напугал. Мы вышли на воскресную прогулку и случайно проходили мимо. Было открыто, и мы решили зайти... Я тут ванильного печенья принес, угощайся, если хочешь.

В руке он держал темный пакет из кондитерской с масляными пятнами по бокам. Придя в себя, я указала на кофейник.

— Спасибо, — сказал Дженкинс. — С удовольствием выпью чашечку.

Мы сидели недолго. Дженкинс порассуждал о том о сем и встал, как только кофе был выпит.

— Не буду тебя отвлекать, — сказал он. — Увидимся вечером. На карусели. Приходи к своей смене.

Я кивнула.

Дженкинс поднялся по трапу и медленно побрел по пристани, сунув руки в карманы и прячась от мороси за поднятым воротником. Петух съезжился у него на плече.

Я долго смотрела им вслед. Странное ощущение осталось у меня от их визита. Погода для прогулки была явно не самая подходящая. И что Дженкинс делал у нас на камбузе? Почему не пришел в машинное отделение? Он ведь слышал, что я там...

Проработав еще часа два, я решила, что на сегодня хватит. Я смыла с себя пыль и надела чистый комбинезон. А потом мы с Анной и синьором Фидардо поехали на трамвае на кладбище в Празереш. Мы ездим туда почти каждое воскресенье. Синьор Фидардо играет на органе в часовне, Анна поет. А я тем временем навещаю своего старого друга Жуана, который работает на кладбище сторожем.

Я помогала Жуану полоть клумбы и ровнять гравий на дорожках, пока не настало время ехать на Руа-да-Муэда, заступать на карусельную вахту.

– Здорово, старина, – как всегда непринужденно приветствовал меня Дженкинс.

Он грелся у одной из жаровен, спрятав Петуха за пазухой и осторожно глядя его по маленькой плешивой головке.

– Боится огня, – объяснил Дженкинс. – Наверно, все животные так... кроме тебя, конечно. Ты, кстати, поужинала? Я каштаны пожарил. На случай, если ты голодна.

Рядом с жаровней на тарелке лежала горстка свежееиспеченных каштанов. Пахло восхитительно. Я поднесла два пальца к козырьку, тем самым выражая свою благодарность.

Дженкинс посадил Петуха на плечо и застегнул пальто.

– А мы прошвырнемся до Байрру-Алту, поглядим, что вкусненького нам на этот раз приготовила прекрасная Евлалия, – мечтательно сказал он. – Спокойной вахты, до завтра.

Медленно тянулся за часом час. Я поддерживала огонь в топке, но, помимо этого, дел у меня особо не было, кроме как есть каштаны и пить чай с Сильвией Дюбуа. Чтобы скоротать время, она читала мне вслух газету, забытую кем-то из посетителей.

Главной новостью дня было итальянское парусно-паровое судно из Салерно. Оно вынужденно зашло в лиссабонский порт после того, как несколько пассажиров заболели дифтерией. Дифтерия – очень опасная и заразная болезнь. Поэтому портовые власти наложили на судно карантин. Никто из экипажа и пассажиров не мог ступить на берег, и никто с берега не мог взойти на борт. Однако люди в городе до смерти боялись, что зараза все равно распространится, и некоторые требовали, чтобы судно отбуксировали обратно в море и бросили там на произвол судьбы.

– Вот не повезло беднягам, – вздохнула Сильвия Дюбуа, и я кивнула в знак согласия.

Когда наконец наступила полночь, я пошла на остановку у Кайш-ду-Содре и доехала ночным трамваем до Алфамы. Вагон был набит официантками и уборщицами с измотанными потухшими лицами, которые возвращались домой после вечерней смены в большом казино в Эшториле. Я нашла свободное место у окна и устало опустилась на отшлифованное до блеска деревянное сиденье.

Вероятно, я задремала. Когда я открыла глаза, мы уже были на Праса-ду-Комерсиу. С противоположной стороны к остановке подъехал другой трамвай. Вагоны остановились совсем рядом. Я повернула голову и заглянула внутрь. И первое, что я увидела через полосы дождя на стекле, был Харви Дженкинс. Он сидел в каких-то двух метрах и, не замечая меня, сосредоточенно смотрел перед собой.

Я удивилась. Разве Дженкинс не говорил, что собирается к вдове Евлалии в Байрру-Алту? Почему же тогда он едет на трамвае из порта Алфамы? Может, вдове наскучило готовить ему луковый пирог? Сейчас он, очевидно, возвращался домой, в луна-парк. И, судя по всему, вечер у него не задался.

Петух смотрел на меня белесым глазом. У меня возникло четкое ощущение, что слепая птица чувствует, что я где-то рядом. Она беспокойно переминалась с ноги на ногу на плече хозяйки. Повинуясь какому-то непонятному инстинкту, я сползла пониже, чтобы Дженкинс не увидел меня. Его трамвай дрогнул и, зазвонив, тронулся в путь. В ту же секунду мой трамвай покати́лся в другую сторону.

5. Признание гадалки

Серое ненастье и туман на несколько дней заволокли Лиссабон. Ни малейший ветерок не рябил реку, а дым всех угольных каминов города неподвижно стоял в воздухе, затрудняя дыхание.

Пелену вскоре рассеял зловещий теплый юго-западный ветер. Далеко на западе, над океаном, на фоне черно-синего неба показались рваные клочки белых облаков. Почти сутки гроза висела неподвижно и набиралась сил, а потом медленно поползла в сторону города.

— Ну, я пошел, не то сухим мне до Евлалии не добраться, — мрачно взглянув на небо, сказал Дженкинс, когда я сменила его у карусели. — Еще немного — и ливанет.

Дженкинс оказался прав. Сразу после его ухода на землю упали первые тяжелые капли, а потом небеса разверзлись. Дождь хлестал покрытую гравием площадку, на которой стоял луна-парк, превращая ее в глинистое месиво. Ветер усиливался. Низкие облака неслись вплотную над крышами до-

мов, город озаряли шипящие белые молнии. Последние посетители спасались бегством. Вместо того, чтобы следить за каруселью, я помогала привязывать и прятать то, что иначе бы унесло ветром.

Ближе к ночи бушевала настоящая буря. Директор Брокдорфф выбежал под ливень в одних кальсонах и приказал снять вывеску с крыши билетерской будки. Одновременно я услышала, как Маргоша зовет на помощь. Крепеж ее шатра сорвало.

В куче хлама за каруселью я нашла длинную веревку и кое-как привязала шатер к дереву. Потом перетянула все тросы и вбила колышки поглубже в землю. Гадалка стояла в проеме шатра, бледная от волнения. Когда я закончила, она облегченно захлопала в ладоши и махнула мне, чтобы я вошла внутрь.

Одесситка Маргоша была здоровенной, крепкой женщиной с красивыми глазами и лицом портовой гуляки. В ушах сверкали черные камни, оттягивая мочки чуть не до плеч. Маргошин шатер был украшен пестрыми тканями приглушенных тонов. Фонарики под сводом шатра цедили пряный запах, хотя света давали не много. Вокруг маленького столика с двумя стульями выстроилась группка причудливых скульптур. Всякий раз, когда порыв ветра налетал на шатер, фонари качались, и тени скульптур беспокойно прыгали по драпировкам на стенах.

– Какая ты молодец, что спасла мой шатер, – сказала

Маргоша. – Садись, я налью тебе чего-нибудь горяченького. Мы же не хотим, чтобы ты простыла.

У нее был чудной акцент, в ее речи смешались слова из разных языков. И все же я легко понимала ее. Я села, а она тем временем принесла две чашки и наполнила их горячей красновато-бурой жидкостью из латунного ковшика с длинной ручкой. Я отпила немного, но не смогла определить по вкусу, что же это такое.

– Я предсказывала будущее собакам и кошкам, – усевшись напротив, сказала Маргоша. – Но обезьянам – никогда. Хочешь, погадаю? Это бесплатно. В благодарность за помощь.

Я покачала головой: мне совершенно не хотелось, чтобы мне гадали. Но потом вспомнила, что сказала Сильвия Дюбуа, когда я только начала работать в парке. Что Дженкинс во что-то там «вовлек» Маргошу. Ради меня. Что она имела в виду? Хорошо бы это выяснить.

Каким-то образом Маргоша прочла мои мысли. Не знаю как, но, возможно, читать мысли для гадалки – не такое уж и непривычное дело. Она подалась чуть вперед, посмотрела мне в глаза и сказала:

– Ты хочешь что-то узнать, так?

Я кивнула.

– Это связано с кем-то из парка?

Я снова кивнула.

– Тогда полагаю, – сказала Маргоша, хлебнув загадочного напитка, – ты хочешь знать, как Харви Дженкинсу удалось

устроить тебя на работу в луна-парк. Я права?

Не это ли имела в виду Сильвия Дюбуа? Я немного подумала и снова кивнула.

– Я не сплетница, – сказала Маргоша. – И уж себе во вред точно болтать не стану. Но для тебя сделаю исключение. Отчасти потому, что ты мне помогла. А еще потому, что ты не умеешь разговаривать. Тебе можно доверить тайну.

Маргоша, конечно, не догадывалась, что я умею писать. И знать это ей было необязательно. Она снова подалась вперед и, понизив голос, продолжила:

– До твоего появления Дженкинс работал карусельным смотрителем на пару с человеком по фамилии Ковальски. Он был поляк, в нашем парке прослужил почти год. Тихий приятный мужчина. Дженкинс трудился в вечернюю смену, Ковальски – в дневную. Однажды Дженкинс пришел ко мне и попросил об одолжении. Это было вскоре после того, как мы приехали в Лиссабон. Он обещал, что заплатит мне, если я сделаю так, что Ковальски уволится.

Маргоша отпила еще глоток и продолжила:

– Мы с Дженкинсом знаем друг друга давно. И я была кое-чем ему обязана. Поэтому отказать не могла. В тот же день я пригласила Ковальски к себе и погадала ему на спитом чае. Я притворилась, что очень встревожена тем, что вижу в чашке. А потом рассказала, что, к сожалению, он скоро умрет. Несчастный перепугался не на шутку и захотел узнать, как это произойдет. «Тебя разорвет на куски, – сказала я, – при

взрыве паровой машины, которая крутит карусель».

Маргоша пожала плечами, словно извиняясь:

– Само собой, я обманула его. Но мой трюк сработал. Ковальски ни минуты не пожелал оставаться в парке. Он тут же побежал к директору Брокдорффу и уволился. Через четверть часа он сложил вещи и был таков. А на следующий день Дженкинс сообщил, что нашел Ковальски замену. Это была ты...

Мое лицо, наверно, выражало сильное изумление. И растерянность.

– Ты хочешь узнать, почему Дженкинс избавился от Ковальски? Не потому ли, что задумал устроить на эту работу тебя? Так ведь?

Я кивнула.

– Да, – ответила гадалка. – Все верно. Дженкинс сам мне в этом признался. Но больше он ничего не сказал... хотя нет, кое-что сказал. Правда, я все равно ничего не поняла.

Маргоша пристально заглянула мне в глаза, а потом продолжила:

– Я спросила, зачем ему понадобилось устроить на работу именно тебя. И вот что он ответил...

Маргоша наклонилась ближе. Ее голос понизился до глухого шепота:

– *«Прошлое возвратилось. Мне дан второй шанс».*

Гадалка откинулась на стуле.

– Ровно так и сказал. Не знаю, что он имел в виду. Но,

может, ты знаешь?

Я недоуменно смотрела на нее. А потом медленно покачала головой.

Когда около полуночи я возвращалась на трамвае домой, гроза и дождь прошли, хотя ветер еще не улегся. Вагон качался и скрипел под его порывами.

Раз за разом я прокручивала в голове рассказ Маргоши. Харви Дженкинс поступил с Ковальски непорядочно ради того, чтобы мне досталась его работа. Это было непонятно и жутко. Ведь мы с Дженкинсом едва знакомы.

Но, разумеется, он мог сделать это не только из симпатии ко мне. Возможно, приведя в увеселительный парк живую гориллу, он думал добиться расположения директора? Такое вполне возможно. А может, эта идея принадлежала вовсе не Дженкинсу, а директору Брокдорффу?!

Я вышла на Руа-да-Алфандега и спустилась к реке. Волны расшибались о пристань, взметая в воздух вихри пены. Буря повредила кровлю одного из портовых складов. Смятые листы гофрированного железа скрежетали и гремели под напором ветра. Я ускорила шаг. Как выдержала шторм «Хадсон Квин»?

Хотя было темно, я издалека увидела, что ее сильно при-

терло бортом к пристани. Из-за жесткого западного ветра вода в реке поднялась больше чем на полметра. Швартовы следовало подобрать еще несколько часов назад.

Я быстро запрыгнула на борт и попыталась вернуть бот в нормальное положение. Но, чтобы зафиксировать его, нужны были еще веревки.

Канаты и другие полезные вещи мы держим на юте, в рундуке за рулевой рубкой. Я пошла за ключом от рундука. Он хранится вместе с остальными ключами в стенном шкафчике на камбузе.

Открыв шкафчик, я сразу заметила неладное. Один из крючков был пуст. Не хватало запасного ключа от камбуза. Куда он делся?

Но сейчас мне было не до этого. Я взяла ключ от рундука и поспешила обратно на палубу, чтобы надежно зашвартовать лодку.

Моя одежда была все еще мокрая после ливня. Я развела огонь и повесила комбинезон на спинку стула сушиться. Заваривать чай у меня не было сил. Поэтому я просто залезла в койку и укрылась двумя одеялами.

Настроение было паршивое, я никак не могла успокоиться и перестать думать. Несколько часов я плавала между сном и явью, то впадая в тревожное забытие, то снова пробуждаясь. Сны и мысли переплелись воедино. Я слышала голоса

Маргоши и Харви Дженкинса. Они говорили со мной загадками.

6. Карантин

Когда я на следующее утро пришла в мастерскую синьора Фидардо, тело ломило от усталости. За всю ночь я проспала не больше двух часов, пока первый утренний свет, проникнув в иллюминатор, не разбудил меня.

Синьор Фидардо быстро все понял.

— Хватит зевать, — проворчал он. — Это отвлекает меня от работы. Да и выглядит, честно говоря, жутковато. Представь, в мастерскую войдет кто-то из моих престарелых клиентов как раз, когда ты вот так вот скалишь клыки. Это может плохо кончиться! У пожилых людей слабое сердце! Это из-за твоей вечерней работы ты не высыпaeшьcя? Сейчас мы пойдем в «Нова-Гоа» и выпьем кофе. Кому-кому, а тебе это просто необходимо!

В тот день все пошло совсем не так, как я ожидала. Когда мы вернулись из кафе, на тротуаре стояло такси. Рядом бес-

покойно расхаживала какая-то женщина, то и дело заглядывая в окно мастерской.

Я сразу узнала ее. Синьор Фидардо тоже.

— Уж не наша ли это дорогая доктор Домингеш? — удивился он.

Роза Домингеш была врачом из инфекционной клиники Сан-Жозе. Я не знаю никого, кто бы столько работал. Но такой вымотанной, как сегодня, я ее еще не видела. Лицо было блее мрамора, вокруг покрасневших глаз темнели лилово-синие круги.

— Вот вы где! — облегченно воскликнула она, заведя нас. — Я жду вас уже целую вечность!

Роза попросила шофера не уезжать и прошла с нами в мастерскую.

— У меня серьезные проблемы, — сказала она мне. — И, боюсь, кроме тебя никто не поможет.

Дело касалось стоявшего на карантине итальянского судна. Того самого, о котором прочла в газете Сильвия Дюбуа. Роза коротко объяснила суть:

— Часть пассажиров — бедные эмигранты, — сказала она. — Они плыли в Англию, надеясь найти там лучшую долю. Вероятно, кто-то заболел еще до отплытия из Салерно. Инфекция распространилась, заразились другие пассажиры и члены экипажа. Больным нужна срочная медицинская помощь. Иначе многие могут погибнуть. Больше всех рискуют дети.

Роза тяжело вздохнула.

– Судно стоит на рейде на той стороне реки. Только вчера вечером министерство здравоохранения разрешило мне перевезти больных на охраняемую военную базу в порту. Сейчас сотрудники моей клиники разворачивают там полевой госпиталь. Но один вопрос так и не решен...

Роза судорожно сцепила руки.

– Мы не знаем, как доставить пациентов на берег. Нам дали катер, но ехать никто не соглашается. Военный флот отказался. Береговая охрана тоже. Портовая администрация тоже говорит «нет». Они не хотят рисковать своими служащими. И я могу их понять. Дифтерия – страшная болезнь.

Роза посмотрела мне в глаза и добавила:

– Но она заразна только для людей...

Синьор Фидардо освободил меня от работы в мастерской на то время, что я буду нужна Розе Домингеш. И пообещал отправить в луна-парк посыльного, который объяснит, почему меня не будет несколько дней.

Мы с доктором быстро сели в поджидавшее такси и примерно через час въехали в ворота военно-морской базы в Белене. Солдат в форме указал нам дорогу между казармами и бараками к причалу, где стояли серые военные корабли.

Катер, предоставленный для транспортировки, был открытым паровым баркасом тридцати метров в длину и вмещал около двадцати пассажиров. Пар уже был поднят до мет-

ки, так что я сразу отчалила, взяв курс на юг. Роза объяснила, как будет проходить эвакуация. Больных в самом тяжелом состоянии надо переправить на берег в первую очередь. Потом заберем тех, у кого симптомы полегче. Здоровых оставим пока на борту.

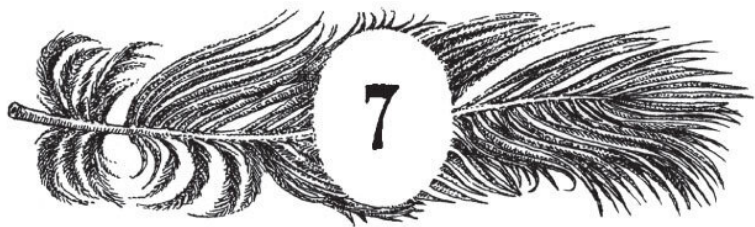
Пароход «Кампания» стоял на рейде довольно далеко от берега. На грот-мачте под краспицей реял черно-желтый карантинный флаг. Пока я швартовалась, Роза надела защитную маску и перчатки. Нам бросили веревочный трап, и я залезла на борт.

Я, конечно же, думала, что мое появление вызовет переполох. Но атмосфера на борту была настолько накаленной и взрывоопасной, что никто даже не посмотрел в мою сторону. Человек сто теснились и толкались, стремясь поскорее оставить судно и первыми сесть на баркас.

Несколько членов экипажа пытались сдержать раздраженную толпу. Какой-то человек, судя по всему, командир судна, размахивал ружьем. Раздавались крики и ругань. Ситуация в любой момент могла выйти из-под контроля.

И вдруг среди всего этого хаоса вперед шагнула женщина. Высокая, очень прямая, одетая, как простая крестьянка, — в пестрых юбках и черном платке на голове. Не раздумывая, она выхватила у капитана ружье, направила ствол вверх и пальнула в воздух.

7. Перо

Выстрел грянул звонко и оглушительно. Все замерли точно парализованные. Женщина вернула ружье капитану. Тот с ошарашенным видом принял его.

– Вы все здесь знаете, кто я, – сказала женщина глубоким ровным голосом и медленно обвела взглядом всех пассажиров. – Сохраняйте спокойствие и делайте так, как велит капитан и его люди. Больных надо доставить на берег первыми. А мы подождем.

Какой-то здоровяк стал возмущаться, срываясь на пронзительный визг. Это был типичный пассажир первого класса, в ладно скроенном шерстяном костюме и элегантных кожаных туфлях. Женщина молча взглянула на него. Их взгляды встретились, он запнулся, что-то промямлил. А потом умолк. Толпа медленно отступила и, приглушенно ропща, рассеялась.

Женщина повернулась ко мне. Черты ее лица были серьезны, под светло-оливковой кожей слегка проступали скулы.

– Ну, обезьяна, давай, делай свое дело, – сказала она и села в тени за рубкой.

Кто была эта женщина и почему она имела такую власть над другими пассажирами, я узнала очень нескоро. В ту минуту я понимала только то, что без нее мы бы с Розой не справились.

Эвакуация «Кампании» и без того оказалась трудным делом. В грузовом трюме разместили пассажиров третьего класса. Там было темно и тесно. Сладковатый запах болезни вызвал у меня легкий приступ тошноты. Слабо светили керосиновые лампы, и я слышала, как по темным углам копошатся крысы.

Мне потребовалось два часа, чтобы перенести на баркас двадцать самых тяжелых больных. В основном это были дети с распухшими шеями и пылающими лбами. Кто-то при виде меня испугался, кто-то решил, что это сон. Но ни у кого не было сил сопротивляться, когда я выносила их из трюма.

Несколько мужчин, уже заболевших, усердно помогали мне. Мы клали больных на носилки из парусины, которые я потом спускала на баркас при помощи веревки и блоков. Роза принимала носилки и удобно рассаживала или укладывала больных на палубе.

В тот вечер, прежде чем на реку упали сумерки, мы сделали четыре ходки на «Кампанию» и обратно. Чуть меньше

половины больных теперь могли получить медицинскую помощь в полевом госпитале.

И я, и Роза валились с ног от усталости.

На следующее утро с Атлантики задул крепкий западный ветер. Волнение на реке еще больше усложнило пересадку пассажиров. Был уже вечер, когда мы наконец пригото- вились отплыть с последними больными от пораженного болезнью корабля.

Спускаясь по веревочному трапу на баркас, я заметила женщину, которая днем раньше остановила бунт на «Кампании». Она стояла одна у фальшборта и едва заметно кивнула мне на прощание. Я кивнула в ответ.

Когда мы подошли к пристани военно-морской базы, было уже восемь. Люди в защитных костюмах вымыли меня с ног до головы карболовым мылом и выдали новый комбинезон со склада флотской базы. Мою старую одежду полагалось сжечь.

Розы Домингеш поблизости не было. Вероятно, она оказывала помощь только что прибывшим пациентам. Остальным тоже было не до меня. Так что я пешком вышла с базы и доехала на трамвае до Алфамы.

Добравшись до «Хадсон Квин», я навела порядок на бор-

ту и села на камбузе перекусить перед сном. Все, что у меня было, – это сухари и чай. Лампа над столом беспокойно подрагивала. Видно, кончался керосин. Я взяла лампу и пошла в мастерскую залить горючего.

Маленькая мастерская на «Хадсон Квин» втиснута в углу машинного отделения. Когда я спускалась по трапу, пламя несколько раз вспыхнуло, а потом совсем погасло. Сразу стало темно как в могиле. Но мне не нужен свет, чтобы ориентироваться в своем машинном отделении. Я наощупь пробралась к верстаку и сняла с полки канистру с керосином.

И вдруг у меня возникло чувство, что я не одна в темноте. Это был запах. Очень слабый запах. Причем такой, какого здесь быть не должно. Но не то чтобы совсем незнакомый.

Я замерла, насторожив все органы чувств. Ничего слышно не было, кроме легкого треска, издаваемого самой лодкой. Наконец я открыла канистру, залила керосин и включила лампу.

Понятное дело, в машинном отделении никого не было. Я чувствовала себя немного глупо. Страх темноты мне несвойственен.

Но чужой, посторонний запах так и витал в воздухе. Мне не почудилось. Я посветила на верстак, заваленный инструментами, тряпками, деталями механизмов и всякой мелочью.

Потом посмотрела вниз, на слани. И там действительно кое-что лежало.

Это было перо.

Черное птичье перо с серыми обтрепанными краями.

Я подняла его и осторожно понюхала. Теперь я узнала этот затхлый, немного кислый запах.

Перо принадлежало петуху Харви Дженкинса. В этом сомнений не было.

Но как, скажите на милость, оно сюда попало?

Ответ был прост, я сразу все поняла: Петух потерял его в тот самый первый раз, когда мы только познакомились с Дженкинсом. Ведь Старшой водил их по всему боту.

Довольная тем, что решила эту небольшую загадку, я бросила перо в мусорное ведро и вернулась на камбуз допивать свой чай.

Скоро я лежала в койке. За иллюминатором над рекой плыли облака тумана. Вдалеке угадывался безлюдный портовый мол, освещенный одиноким бледно-желтым газовым фонарем. За бортом тихо клокотали волны, слабо поскрипывали натянутые швартовы.

Перед тем, как я уснула, в голове пронеслось:

Почему же я раньше не заметила это перо?

Ведь прошло целых две недели с тех пор, как Харви Дженкинс и его петух спускались в машинное отделение «Хадсон Квин» со Старшим. А после этого я почти каждый день работала в мастерской.

Разве я не должна была увидеть это перо раньше?
Или почувствовать запах?..

8. Нарушение договора

Утром я проспала и на два часа опоздала на работу в скрипичную мастерскую. Синьор Фидардо ничего не сказал – он просто отвел меня в кафе «Нова-Гоа» и угостил кофе и сэндвичами с сыром.

– Как ты? – спросил он, внимательно изучая меня.

Я пожалала плечами. Несколько раз за ночь меня будили кошмары. О чем были эти сны, я не помнила. Но какая-то притупленная грусть никак не покидала меня.

Синьор Фидардо немного подумал, прежде чем продолжить:

– Сорок лет назад я сам приехал сюда на эмигрантском судне из Калабрии. Когда мы шли по Средиземному морю, среди пассажиров третьего класса случилась вспышка оспы. Их везли в трюме, как скот. Вокруг нищета и грязь – инфекция распространялась с бешеной скоростью. Видеть это было невыносимо...

Он замолчал и какое-то время сидел, погруженный в свои

мысли. А потом сказал:

– Так что, думаю, я понимаю, что ты пережила в эти дни. Вот и все, что я хотел сказать.

Я благодарно кивнула.

Когда рабочий день в мастерской подошел к концу, я села на трамвай и доехала до Руа-да-Муэда, чтобы отработать свою последнюю смену в качестве зрителя карусели. Завтра парк аттракционов снимался со стоянки и отправлялся в следующий город.

Первый, кого я встретила, придя на место, был сам директор Брокдорфф. Он стоял, раскачиваясь на пятках, сунув большие пальцы под ремешки помочей, на которых держались его вытянутые кальсоны.

– Салли Джонс! – рявкнул он. – Вот ты где! Я думал, тебе можно верить, но, как видно, ошибся. Знаешь ли ты, что значит *нарушить договор*?

Я посмотрела на него, и на меня навалилась бесконечная усталость. У меня не было никаких сил выслушивать поучения.

– Надеюсь, ты понимаешь, что мне придется *существенно* сократить твое жалованье? – продолжил коротышка, и я заметила довольный блеск в его глазах. – Ты не явилась на работу два вечера подряд. Вместо обещанных двадцати четырех эскудо, которые ты получила бы, если бы не нарушила

договор, я, к сожалению, могу заплатить тебе только пять. И это еще очень щедро с моей стороны!

Я была готова к тому, что директор Брокдорфф урежет мою зарплату. Но не так же сильно. Это было несправедливо!

И тут я увидела, что к нам быстрыми шагами идет Харви Дженкинс.

– О чем это вы говорите? – спросил он, глядя на директора.

Директор Брокдорфф раздраженно отмахнулся, как бы гоня его прочь. Но Дженкинс не ушел, и директору пришлось объяснить, что произошло.

Дженкинс криво улыбнулся.

– Тут вышло небольшое недоразумение, – мягко сказал он. – Директор же не забыл, что я заменял Салли Джонс, пока ее не было? Мы с ней заранее об этом условились.

Последние слова Дженкинса были неправдой. Я удивленно покосилась на него.

– Да какая разница? – фыркнул директор. – Договор есть договор! Обезьяна нас подвела, и...

– Да нет же, – перебил его Дженкинс. – Салли Джонс никого не подводила. Она помогала спасать людей, попавших в беду. А вы не потеряли ни сентаво. Не так ли?

На лице директора Брокдорффа вспыхнули розовые пятна. Он открыл рот, чтобы что-то ответить, но, видно, не смог подобрать слов. Сердито рыча, он выудил из кармана две купюры по десять эскудо и горсть монет и швырнул деньги мне.

Напоследок он наградил Харви Дженкинса ядовитым взглядом, а потом резко развернулся и ушел.

Когда директор был вне пределов слышимости, Харви Дженкинс сипло захохотал.

– Вот шутник нашелся, – сказал он, подмигнув мне.

Харви Дженкинс, должно быть, всем рассказал, почему меня не было. Маргоша, Сильвия Дюбуа и Франсуа ле Фор подходили ко мне, обнимали и говорили теплые слова.

Дженкинс ненадолго задержался после смены. Потом настало время прощаться.

– Я знаю, возможно, это уж слишком, – извиняясь, сказал он, – но у меня к тебе есть одна просьба. Завтра утром парк отправится дальше, и паровая машина должна быть готова к транспортировке. Не могла бы ты выгрести угли из топки и опорожнить котел сразу, как кончится твоя смена? Иначе сталь и чугун не успеют остыть до утра. Вообще-то, это моя работа, но мне бы так хотелось подольше побыть у Евлалии. Это наш последний вечер вместе...

Я кивнула. Ну как я могла ему отказать? Ведь он только что вступился за меня и не дал директору прикарманить мой заработок.

– Спасибо! – сказал Дженкинс и просиял. – Ну и еще, раз уж ты все равно удержишься... было бы просто замечательно, если бы ты отсоединила трос от карусели.

Я снова кивнула.

Дженкинс, улыбаясь, протянул мне руку, и я пожала ее.

– Рад был с тобой познакомиться, Салли Джонс, – сказал он. – Уверен, что наши пути еще пересекутся. Мир не так велик, как кажется. Особенно для нас, бродяг.

Когда в полночь парк закрылся, все работники тут же начали собирать свои вещи. Я сразу пожалела об обещании, данном Дженкинсу. Приготовить паровую машину и котел к перевозке – изрядная работа. Мне предстояло провозиться много часов, возможно, до самого рассвета.

Взглянув на меня, Сильвия Дюбуа все поняла.

– Нечего тебе одной возиться с этой развалюхой! – сказала она. – Ты только что была в море и спасала людей! Мы с Франсуа тебе подсобим!

Втроем мы управились часа за два. С реки дул нежный ночной бриз, когда я в последний раз вышла из луна-парка и пошла в сторону Кайш-ду-Содре. Мне повезло, и я успела на трамвай, который как раз отходил от остановки. Тяжело опустилась на сиденье и прижалась головой к прохладному стеклу.

Проснулась я от того, что мне на плечо легла рука кондуктора.

– Я тебя знаю, – дружелюбно сказал он. – Кажется, тебе выходить?

Я смущенно заморгала на свет, потом поглядела в окно. Трамвай подъехал к остановке на Руа-да-Алфандега. Я благодарно кивнула кондуктору и выскочила из вагона.

У реки было спокойно и тихо. Луна отбрасывала бледные голубые отблески на причалы и пришвартованные суда. Я шла медленно, глубоко вдыхая морской воздух, и вспоминала о Старшом. За то время, что его не было, мне особо некогда было размышлять о том, как он устроился. Возможно, сейчас «Фуншал» стоит на рейде у Рио-де-Жанейро. Возможно, Старшого отпустили на берег и он сидит где-нибудь в уличном кафе на набережной...

Мои мысли вдруг резко оборвались. Я стояла у «Хадсон Квин», всего в нескольких метрах от трапа.

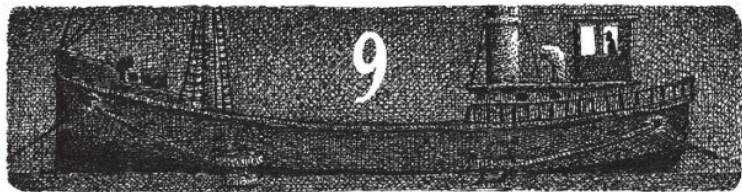
С левого борта в иллюминаторах машинного отделения горел слабый свет.

Секунду-другую я вспоминала, потушила ли я, уходя, керосиновую лампу.

Но потом увидела, что свет подрагивает. Как от раскачивающегося фонаря.

На борту кто-то был.

9. Невидящее око

Я стояла на пристани в полной растерянности. Прошло немного времени, и свет в иллюминаторе стал ярче. Взломщик, должно быть, оставил машинное отделение и теперь взбирался по трапу. Дверь в любой момент могла распахнуться...

Я попятилась, озираясь по сторонам. Чуть вдалеке на причале были сложены какие-то ящики. Я побежала туда и спряталась между ними.

Свет на «Хадсон Квин» потух. Но теперь слышался скрип несмазанных петель. Это открылась дверь машинного отделения. Луна зашла за тучи, и бот почти целиком погрузился во тьму. Я сощурилась. Кто-то высокий и тощий двинулся по борту в сторону кормы. Вскоре в рулевой рубке загорелся слабый свет.

Мое сердце бешено стучало. Я узнала эту фигуру.
Это был Харви Дженкинс. С Петухом на плече.

Что он там делает?

И как попал внутрь?

Взломал двери?

Это казалось безумием. И все же... Никакого другого объяснения не было.

И тут я поняла, почему Дженкинс попросил меня привести в порядок паровую машину. Вовсе не потому, что встречался с Евлалией. *Он не хотел, чтобы я раньше времени вернулась на «Хадсон Квин»!*

Потом я вспомнила про перо, которое нашла накануне в мастерской. *Видно, Дженкинс приходил сюда и раньше...*

Передо мной промелькнули и другие воспоминания последних недель. Внезапно я почувствовала себя ужасно глупо. Ведь у меня не раз возникали смутные подозрения на его счет. И все равно я не поняла, что происходит.

Мне захотелось выбежать из укрытия, взойти на борт и заставить Дженкинса объясниться. Но разумно ли это? Если я застукаю его с поличным, Дженкинс, возможно, набросится на меня. Ведь, как ни крути, он взломщик и вор.

А впрочем, так ли это? Станет ли настоящий вор грабить такую развалюху, как наша «Хадсон Квин»? У нас со Старшим нет ценных вещей...

И тут я вспомнила: *тюрган*! Я совсем забыла про драгоценный тюрган, который однажды выменяла у моего друга,

махараджи Бхапура. Не его ли ищет Дженкинс?

Нет, тюрбан бы он уже давно нашел. Он хранился в моем рундуке, найти его ничего не стоило...

Дженкинс все еще возился с чем-то в рулевой рубке. Горел фонарь, и время от времени до меня доносились глухие удары и странный стук. Что там творится? В рубке брать вообще нечего, кроме нактоуза и машинного телеграфа. А это тяжелые, громоздкие приборы, которые Дженкинс никак не сможет вынести один.

Когда свет наконец погас, ощущение у меня было такое, будто я простояла в укрытии целую вечность. Тень переместилась на бак, скрипнула дверь камбуза. Зажегся фонарь, и через мутное стекло иллюминатора слабо виднелся трепещущий, беспокойный огонек.

Прошло еще немного времени, прежде чем Дженкинс вышел на палубу и закрыл за собой дверь. Стало совсем тихо, и мне показалось, что я слышу, как щелкнул язычок замка, когда повернули ключ.

У Дженкинса что, собственный ключ?..

Так вот, значит, кто украл из шкафчика запасной ключ от камбуза!

Темная фигура сошла на причал и исчезла из поля зрения. Что мне делать? Дать о себе знать или остаться в укрытии? Шаги медленно приближались. У меня не было сил пошевелиться.

Первые рассветные лучи чуть разбавили ночную мглу.

Поэтому я отчетливо видела, как Дженкинс прошел всего в нескольких метрах от меня. Плечи опущены, руки глубоко спрятаны в карманы пальто.

Сомневаюсь, что издала хоть малейший звук, но Петух, верно, все же почувствовал мое присутствие. Он мотнул головой и нервно затоптался на плече хозяина. На долю секунды на меня уставилось его невидящее око.

Пройдя еще несколько метров, Дженкинс остановился.

– Что там? – шепотом спросил он то ли у себя самого, то ли у Петуха.

Потом я услышала, как он повернул обратно. Он ступал осторожно.

Я попыталась поглубже втиснуться между ящиками. Но это было бессмысленно. Когда Харви Дженкинс заглянул в проем, я знала, что он видит меня.

Он стоял молча и как будто думал, что ему сказать. Или как поступить. Худое лицо его в бесцветном сумраке выглядело изможденным. Взгляд, встретившийся с моим, был очень усталый.

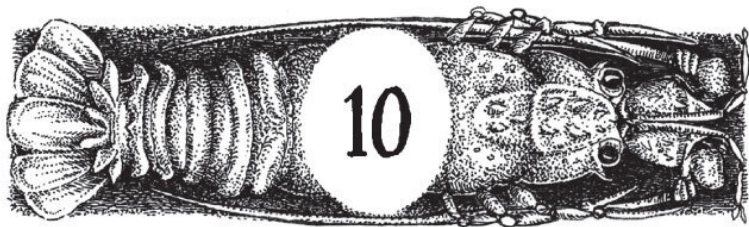
Наконец Дженкинс вздохнул и сказал:

– Прости меня.

И пошел дальше.

Через полминуты я осмелилась выйти. Пристань была пуста. Над рекой, плотный и серый, плыл утренний туман.

10. Спаржа и лангусты

Однажды теплым майским вечером пароход «Фуншал» вошел в Тежу. С крыши нашей рубки я видела, как судно, не доходя до города, стало на якорь в пятне солнечного света. На воду спустили баркас, который двинулся к берегу.

Я поспешила на трамвай и добралась до Кайш-ду-Содре как раз вовремя: Старшой выходил из здания таможни с мешком на плече и дымящимся окурком сигары в зубах. Он ничуть не похудел и не изменился. А значит, плавание на борту «Фуншала» прошло хорошо.

Увидев меня, Старшой расплылся в улыбке и поставил мешок на землю. Мы пожали друг другу руки, обнялись. Я указала на круто уходящие вверх улочки Алфамы. Старшой понял, что я имею в виду. Ана ждала нас на ужин.

– Хорошо, что, прежде чем сойти на берег, я успел ополоснуться и переодеть рубашку, – радостно сказал Старшой. Не припомню, когда мы в последний раз так веселились.

Видно было, что мои друзья соскучились, и я чувствовала такое тепло внутри, будто там растопили камин. Мы ели белую спаржу и вареных лангустов, которых синьор Фидардо купил на рынке Меркадо-да-Рибейра. После застолья Старшой открыл свой мешок и раздал подарки. Мне он привез свайку³ в кожаном чехле. Ане и синьору Фидардо досталось по большому яркому гамаку из Баии. Нет гамаков красивее и лучше, чем те, что вяжут в Баие.

На самом дне мешка у Старшого лежал футляр с маленькой красной гармоникой. И вот сейчас он достал ее, пока синьор Фидардо настраивал гитару, а я поудобнее устраивалась на диване.

А потом Ана запела. И все мои тревоги тут же забылись.

Когда я утром вышла на палубу, Старшой сидел с подветренной стороны за рубкой в штанах и нижней майке. Сдвинув шапку на затылок, он подставил лицо первым лучам солнца. Рядом стоял наш помятый кофейник и две кружки.

– *Morning*⁴, – сказал он, услышав мои шаги. – Бери кружку, кофе еще горячий.

Я налила себе кофе и села рядом.

³ Такелажный инструмент в виде деревянного или металлического стержня с отверстием на конце, который матросы используют, чтобы раздвигать пряди тросов.

⁴ Доброе утро (англ.).

– Говорят, этот Харви Дженкинс нашел тебе работу в луна-парке, – сказал Старшой. – Ну и как? Понравилось?

Накануне вечером синьор Фидардо рассказал Старшому о том, как я помогала эвакуировать больных с «Кампании». Но о моей работе в луна-парке речи особо не шло.

Я достала из кармана комбинезона несколько исписанных листов и протянула Старшому. Он удивленно взял их.

– Что это? – спросил он. – Ты хочешь, чтобы я прочел?

Я кивнула. Прошло три недели с тех пор, как парк аттракционов Брокдорффа уехал из Лиссабона. За это время я много думала о Харви Дженкинсе и о том, что он искал на «Хадсон Квин». Самое важное я напечатала на своем ундервуде.

– *All right*⁵, – сказал Старшой. – Только, чур, не торопи меня. Ты же знаешь, я медленно читаю.

Я пошла вниз сварить еще кофе, а заодно взяла свайку. Потом мы сидели на палубе, наслаждаясь утренним солнцем. Старшой читал, а я с помощью свайки делала новые огоны⁶ на старых швартовых.

Когда Старшой наконец закончил, он отложил листы и изумленно уставился на меня. Потом улыбнулся во весь рот и сказал:

– За тобой нужен глаз да глаз: стоит отвернуться – и ты

⁵ Хорошо (англ.).

⁶ Огон (от нидерл. *ogen* – «глаза») – петля на конце троса, которую делают, переплетая специальным образом его пряди.

попадаешь в удивительные истории.

Я пожала плечами. Пожалуй, в его словах что-то было.

На лице Старшого появилось задумчивое выражение.

– Ты правда хочешь сказать, что Дженкинс заставил этого поляка уволиться? Чтобы ты могла получить его работу?

Я кивнула. Во всяком случае, так говорила Маргоша.

– И Дженкинс, значит, хотел, чтобы ты крутила карусель, пока он будет в свое удовольствие шарить на «Хадсон Квин»? – вслух размышлял Старшой. – Чушь какая-то... И проник на борт, воспользовавшись украденным ключом, так?

Я снова кивнула. Вероятно, Дженкинс украл запасной ключ от камбуза в то воскресное утро, когда явился с неожиданным визитом. И так получил доступ к остальным ключам от судна, поскольку шкафчик с ключами висит на камбузе.

Старшой потер подбородок.

– Но что же он делал у нас на борту? – спросил он. – У нас что-то пропало?

Я покачала головой. Все было на месте.

– Но если он не собирался ничего красть... – медленно проговорил Старшой. – Что ему было нужно? Может, он что-то искал?

Я выразительно кивнула. Именно так я и думала. Я встала и сделала знак Старшому идти за мной.

Много времени ушло на то, чтобы показать ему все, что

я обнаружила. Следы Дженкинса были повсюду, но увидеть их было не так-то просто. Обшивка в рубке и в трюме была снята и снова прибита. Крышки всех патрубков в машинном отделении откручены и снова посажены на место. Остались даже царапины, указывающие на то, что Дженкинс копался среди чугунных чушек, сваленных для балласта в трюме.

Старшой нахмурил лоб.

– Думаешь, он нашел, что искал?

Я покачала головой. Я помнила, каким усталым и отчаявшимся показался мне Дженкинс в последний раз, когда я его видела.

Старшой сунул сигару в зубы.

– Стало быть, оно все еще на борту – то, что он искал... что бы это ни было, – сказал он с огоньком любопытства в глазах.

Эта мысль тоже посещала меня. И я даже потратила несколько вечеров на поиски потайных мест и скрытых полостей. Я облазила весь бот, но, конечно же, ничего не нашла. Поэтому в ответ на слова Старшого я с сомнением пожала плечами.

11. Королева Тежу

Пришло лето – такое жаркое, что время сбавило ход. Люди двигались медленнее, чем обычно. Даже ветер ослаб и дул еле-еле, из последних сил. Река лежала неподвижная и блестящая до позднего утра, когда морской бриз на несколько часов развеивал духоту.

Мы со Старшим нашли временную работу на лесопильне в Ксабрегас. С помощью большой паровой пилы мы с утра до ночи пилили бревна на доски, пока однажды утром десятник не сказал, что мы больше не нужны. Старшой попросил выплатить нам часть зарплаты дубовыми досками. Нам не отказали. Так мы получили замечательную древесину по очень хорошей цене.

Из досок мы построили новую лодку с парой весел и небольшим люгерным парусом⁷. Назвали мы ее «А раинья ду Тежу». Что значит «Королева Тежу».

⁷ Люгерный парус крепится своим верхним краем – верхней шка-ториной – к специальной поперечной балке, которая за середину подвешена к мачте.

И Ана, и синьор Фидардо пришли посмотреть, как мы будем спускать ее на воду, но только Ана захотела отправиться в первое плавание. Синьор Фидардо, как я заметила, был не большой любитель лодок. Зато Ане, похоже, прогулка вдоль причалов очень понравилась. Всего через несколько дней они со Старшим снова вышли в море. Ана сидела на руле, а Старшой – на шкотах и объяснял, как управлять лодкой. Они катались еще много раз, и к концу лета Ана Молина научилась ходить под парусом.

Гроза, разыгравшаяся в последних числах сентября, была первым знаком близкой осени. Тогда-то синьор Фидардо и заметил, что чердак в его доме течет. Черепица была старая и требовала замены.

– Все рабочие в этом городе – обманщики и пройдохи. Они меня разорят, – недовольно ворчал он.

Старшой сразу, как только узнал о протечке и о тревогах синьора Фидардо, решил, что это работа для нас. Я была с ним полностью согласна. Но убедить синьора Фидардо оказалось не так-то просто. Он явно сомневался, что мы умеем чинить кровлю. Но под конец сдался и заказал целый воз черепицы.

Неделю мы снимали и спускали на землю старую черепицу при помощи веревки и талей. А еще через неделю новая кровля была готова. Все шло хорошо до тех пор, пока синьор

Фидардо не вздумал с нами расплатиться. Старшой отказался брать деньги, но синьор Фидардо был непреклонен.

– Я должен вас отблагодарить, я требую этого, – сказал он.

– Это мы у вас в долгу, – засмеялся Старшой. – Если бы не вы с Аной, я бы до сих пор сидел в тюрьме. А Салли Джонс, возможно, вообще бы погибла! Будьте добры, позвольте оказать вам эту небольшую услугу!

Синьор Фидардо принял его протянутую руку.

– Ладно, – буркнул он. – Так и быть. Но последнее слово за мной, Коскела. Уж я найду способ отплатить вам!

В этом Старшой и синьор Фидардо похожи: оба упрямы и не любят оставаться в долгу.

Несколько недель спустя, ранним вечером, когда мы со Старшим только что вернулись с подработки в порту штучных грузов, в дверь камбуза постучали. Это была Ана. Она показалась мне немного взволнованной и попросила, чтобы мы немедленно отправились с ней на Руа-де-Сан-Томе.

– Что-то случилось? – забеспокоился Старшой.

– Да, пожалуй, можно сказать и так, – ответила Ана. – Но Луиджи сам вам все расскажет.

– Надеюсь, синьор Фидардо не заболел?

– Нет-нет, – нетерпеливо сказала Ана. – Просто пойдёмте со мной...

Когда мы пришли, уже темнело. Жалюзи в мастерской были опущены на ночь. Ана постучала.

– Кто там? – донесся из-за двери голос синьора Фидардо.

– Свои, – сказала Ана.

Мы со Старшим озадаченно переглянулись. Синьор Фидардо никогда не задерживался в мастерской после шести вечера. Он всегда четко соблюдал распорядок дня.

Щелкнул замок, дверь открылась.

– Входите, друзья, – сказал синьор Фидардо. – Как хорошо, что вы пришли... закройте дверь и запиrite ее на ключ. Нельзя, чтобы нам помешали.

В мастерской царил полумрак. Горела только лампа над рабочим столом синьора Фидардо. В луче света лежал штурвал с «Хадсон Квин», который уже больше года простоял у моего стола.

Я вопросительно посмотрела на синьора Фидардо.

– Я знаю, что ты сама хотела его реставрировать, – сказал он. – И прекрасно бы справилась без моей помощи. Но вы починили мне крышу, и я очень хотел отблагодарить вас. Сегодня утром я вспомнил про штурвал... ведь он стоит тут уже бог знает сколько времени... И решил привести его в порядок.

Мы со Старшим уставились на штурвал. Непонятно было, что такого особенного сделал синьор Фидардо. Штурвал выглядел так же плачевно, как и раньше.

Синьор Фидардо как будто прочел наши мысли:

– Нет-нет, – сказал он. – Понимаете, до реставрации дело так и не дошло. Чтобы добраться до древесины, мне пришлось открутить все латунные накладки. И тут-то я обнаружил кое-что удивительное... Но сперва скажите мне, есть ли в этом штурвале что-то особенное, о чем вам было бы известно? Что-то необычное?

– Необычное? – переспросил Старшой. – Что вы имеете в виду?

Синьор Фидардо и Ана кивнули друг другу.

– Покажи им, Луиджи, – сказала Ана.

Синьор Фидардо взял небольшую стамеску и склонился над столом. Он осторожно завел острие стамески под латунную накладку, закрывавшую обод штурвала. Синьор Фидардо заранее выкрутил саморезы, поэтому, когда он приподнял стамеску, накладка отошла. Он снял ее и отложил в сторону.

Некоторое время мы все вчетвером стояли и смотрели на то, что скрывалось под латунной пластиной.

– Черт побери, – медленно проговорил Старшой.

Внутри, повторяя изгиб широкого деревянного обода, было углубление сантиметров пятнадцать в длину, и там лежал сверток, замотанный в грубую вошеную парусину.

– Луиджи показал мне это сегодня утром, – объяснила Ана. – Но сверток мы не трогали. Решили, что открывать его вам. И не знаю, как все остальные, но я сейчас просто лопну от любопытства...

Старшой поглядел на меня.

– Открой ты, – сказал он.

Я подошла ближе и аккуратно вынула сверток из углубления. Края парусины были сшиты просмоленной конопляной нитью, а швы обработаны от влаги пчелиным воском. Синьор Фидардо протянул мне острый нож, и я аккуратно, стежок за стежком, распорола шов.

Внутри лежал старый залатанный мешочек из замши. Он был перевязан длинным затертым до блеска кожаным ремешком. Я развязала ремешок, открыла мешочек и перевернула, осторожно вытряхнув содержимое на рабочий стол. Ана и синьор Фидардо ахнули в один голос.

Жемчуг лежавшего перед нами ожерелья пламенел изнутри бледным и таинственным светом.

12. Тайна «Хадсон Квин»

Чуть позже мы все вместе сидели вокруг стола у Аны на кухне. На плите закипала вода для чая, над столом горела керосиновая лампа. В центре теплого круга света лежало ожерелье. Порядка пятидесяти жемчужин, нанизанных на нитку, а посередине – маленькая подвеска в форме розы. Лепестки из нежно-розового перламутра оправлены серебром.

Невозможно было оторвать глаз от бусин. Они мерцали приглушенным блеском, и, казалось, постоянно меняют цвет и свечение, словно живут собственной жизнью.

– Что это за ожерелье? Вам хоть что-нибудь о нем известно? – спросила Ана. – Не знаете, кто мог спрятать его на вашей лодке?

Старшой медленно покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Я впервые вижу его. Должно быть, ожерелье лежало в штурвале с тех самых пор, когда мы ку-

пили «Хадсон Квин». А это было лет десять назад.

– А кому принадлежала лодка до вас? – спросил синьор Фидардо.

– Какому-то судовладельцу из Нью-Йорка, – ответил Старшой. – Хотя он, скорее всего, тоже не знал о том, что на борту спрятаны сокровища. Он бы забрал ожерелье, прежде чем продавать лодку нам...

Старшой почесал в затылке и продолжил:

– «Хадсон Квин» построили в Шотландии в самом начале века. Во всяком случае, и паровой котел, и двигатель того времени. Больше нам ничего не известно... Хотя нет, вероятно, ее первым портом приписки был Глазго, и при постройке ей дали имя «Роза». Оно выгравировано на корабельной рынде.

Ана удивленно посмотрела на него.

– Но почему вы не сменили колокол? Ведь теперь на нем должно быть написано «Хадсон Квин»?

– Менять корабельный колокол – плохая примета, – серьезно сказал Старшой. – Ни один нормальный моряк на это не пойдет. Поэтому почти на всех кораблях висит самая первая рында, пока судно не потерпит крушение или не пойдет на слом.

Прядь волос упала Ане на лоб, когда она потянулась за ожерельем, чтобы получше рассмотреть перламутровую розу.

– То есть когда-то ваша лодка называлась «Роза», – сказа-

ла она. – И подвеска на ожерелье – в форме розы... Наверно, это что-то значит. А бусы не могли спрятать в штурвал при постройке?

Старшой кивнул.

– Да, вполне возможно.

Синьор Фидардо принес из мастерской увеличительное стекло. Он взял ожерелье и принялся внимательно его изучать, задумчиво покручивая свой ус.

– Бесподобный жемчуг... – сказал он. – Но слишком уж крупный и безупречный, как-то это даже подозрительно.

– Хочешь сказать, он фальшивый? – спросила Ана.

Синьор Фидардо немного помедлил.

– Нет, честно говоря, я так не думаю. Но на всякий случай покажу ожерелье одному знакомому. Его зовут Альваро Гомес, он один из лучших ювелиров в Шиаду.

– Спасибо, я буду вам очень признателен, – сказал Старшой.

Синьор Фидардо поднес кулон к лампе. Маленькая роза из серебра и перламутра мерцала и переливалась на свету.

– Какая искусная работа, – сказал он. – Так, посмотрим...

Он перевернул подвеску и направил лупу на обратную сторону розы.

– Так я и думал, – продолжил он. – Это работа мастера.

Мы наклонились ближе. На задней стороне подвески на серебре были отпечатаны четыре маленьких символа.

– Пробы, – сказал Старшой.

– И я почти уверен, что они британские, – добавил синьор Фидардо. – Первая указывает на качество серебра. А три остальных штампа, вероятно, говорят о том, где и когда была изготовлена подвеска.

Мы переглянулись.

– Возможно, это ключ к разгадке... – сказала Ана.

Синьор Фидардо кивнул.

– Раз уж сеньор Гомес все равно будет изучать жемчужины, я попрошу его заодно посмотреть на эти штампы.

Мы посидели молча. Старшой о чем-то задумался, посмотрел на меня и сказал:

– Теперь я понимаю, что Харви Дженкинс искал на нашем боте. Как, по-твоему?

Я кивнула. Честно говоря, эта мысль пришла мне в голову сразу, как только синьор Фидардо показал нам тайник в штурвале.

Ана и Синьор Фидардо удивленно поглядели на нас. Они же ничего не знали о Дженкинсе и том, что он шарил у нас на лодке. И Старшой рассказал им, что случилось, пока он был в плаванье.

– Ты должна была сразу нам все сообщить, – смерив меня строгим взглядом, возмутился синьор Фидардо. – Мало ли, на что способен этот Дженкинс!

Ана тоже укоризненно посмотрела на меня. Мне было немного стыдно, хотя чего тут стыдиться.

– Салли Джонс не знала, что он затевает, – вступился

за меня Старшой. – Во всяком случае, до тех пор, пока не застучала его на борту с поличным. А после этого она его больше не видела.

Я кивнула. Именно так все и было.

Его объяснения не очень-то устроили Ану и синьора Фидардо, но они ничего больше не сказали. Чуть подумав, Ана спросила:

– Но откуда Дженкинс мог узнать про ожерелье?

– Понятия не имею, – ответил Старшой. – Хотелось бы мне с ним потолковать.

– А найти его нельзя? – спросил синьор Фидардо.

Мы со Старшим переглянулись.

– Прошло полгода с тех пор, как луна-парк уехал из Лиссабона, – сказал он. – За это время можно далеко забраться. Они могут быть где угодно – может, в Европе, а может, и дальше. Боюсь, Харви Дженкинса мы больше никогда не увидим.

Была уже поздняя ночь, когда мы со Старшим оставили Ану и синьора Фидардо и двинулись обратно в сторону гавани. Старшой шел, погруженный в свои мысли.

– Интересно, сколько стоит этот жемчуг? – сказал он, когда мы вышли на пристань у Алфамы. – Быть может, все эти годы у нас под носом было целое состояние, а мы и не знали.

Я кивнула. Старшой вздохнул и продолжил:

– Из всего, что я слышал, найденные сокровища приносят в основном несчастья и неприятности. Уж лучше бы эти бусы так и лежали в своем тайнике.

Я снова кивнула. На этот раз более твердо. С той минуты, когда я развязала замшевый мешочек и увидела эти огромные жемчужины с их причудливым блеском, – с той самой минуты меня не отпускало тревожное, гадкое чувство, засевшее где-то глубоко под ложечкой.

13. Pinctada Margaritifera

Всю следующую неделю мы со Старшим сгружали каменный уголь на большой электростанции в Белене. С раннего утра до позднего вечера толкали полные до краев тачки по узким сходням с барж к поджидавшим на пристани ваго-неткам. Это была тяжелая, грязная и опасная работа, но платили за нее неплохо.

В последний день мы пошли в баню отмыться от угольной пыли. А потом – на рынок, где накупили полную сумку продуктов: колбасы, сыра, овощей для супа и горячего хлеба. Здорово ходить на рынок, когда в кармане есть деньги!

В тот вечер мы пригласили друзей к себе, в кают-компанию «Хадсон Квин». После ужина синьор Фидардо прочел заключение, которое накануне составил об ожерелье его друг Альваро Гомес. Вот что писал ювелир:

Дорогой Луиджи!

Это жемчужное ожерелье – одно из самых великолепных украшений, что мне доводилось видеть!

В нем 48 жемчужин, и каждая весит от 30 до 32 гран. Словом, это на редкость крупный жемчуг. Вероятнее всего, он происходит от одного вида устриц, Pinctada Margaritifera, которых добывают в морях у северного побережья Австралии.

Как Вы верно догадались, дорогой Луиджи, подвеска изготовлена в Великобритании. Штампы на серебре свидетельствуют о том, что этот шедевр был сделан в Глазго в 1904 году, в ювелирной фирме под названием «Ромбэк и Ромбэк». В реестре членов международного союза ювелиров значится, что фирма эта существует и по сей день.

Ожерелье, без всякого сомнения, представляет большую ценность. На аукционах в Париже, Лондоне или Нью-Йорке его можно продать как минимум за 20 000 долларов. А может, и больше. Но чтобы сделка состоялась, продавец должен предъявить договор о купле, дарственную или завещание в доказательство того, что он действительно законный владелец ожерелья. Без этих юридических документов продать его невозможно. Ни один покупатель не станет рисковать и платить за украшение, которое, как потом, возможно, окажется, принадлежит кому-то другому или попросту украдено.

*Преданно Ваш,
Альваро Гомес*

Когда синьор Фидардо дочитал до конца, у Аны между бровями появилась грустная морщинка.

– Какие скверные известия, – разочарованно сказала она, переводя взгляд с меня на Старшого. – Если сеньор Гомес прав, вы не сможете продать ожерелье. А ведь вам так нужны деньги на ремонт «Хадсон Квин»...

Старшой пожал плечами.

– Ничего не попишешь, – сказал он. – То, что тебе не принадлежит, продать нельзя. Жемчуг не стал нашим только оттого, что кто-то когда-то спрятал его на нашей лодке.

– Ваш он или не ваш – вопрос спорный, – сказал синьор Фидардо. – Но так или иначе найти покупателя без необходимых документов будет трудно. Если только...

Он замолчал и как-то вдруг смутился.

– Если только что? – спросила Ана.

Синьор Фидардо смущенно пожал плечами и сказал:

– Честно говоря, я этого делать не советую... но в принципе можно снять жемчужины с нити и продать по отдельности. Тогда никто не спросит, откуда они взялись.

Старшой покачал головой.

– Такое красивое украшение нельзя портить, – возразил он. – Это неправильно.

Ана и синьор Фидардо согласно закивали. В кают-компании повисла тишина, а потом Ана обратилась к Старшому и ко мне:

– Но как же вы поступите? Ведь с ожерельем надо что-то делать, верно?

– Может, сдадим его в полицию? – предложил Старшой. –

Пусть ищут законного владельца.

– Вот этого точно делать не стоит, – сказал синьор Фидардо. – Ожерелье просто попадет на склад забытых и утерянных вещей. И пролежит там до скончания времен. Или пока его не прикарманит какой-нибудь нечистый на руку полицейский.

Немного обдумав его слова, Старшой сказал:

– В таком случае мы должны сами выяснить, кому оно принадлежит. Похоже, ничего другого-то и не остается... Как думаете, в этой ювелирной фирме в Глазго могут что-то знать? Все-таки розу изготовили давно.

– Вполне возможно, – сказал синьор Фидардо. – Такое старинное предприятие, как «Ромбэк и Ромбэк», наверняка держит бумаги в порядке, даже такие давние.

Старшой задумчиво кивнул. Потом посмотрел на меня:

– Ты ведь еще не бывала в Глазго, да?

Я покачала головой.

– Тебе бы понравилось, – продолжил Старшой. – Город, конечно, местами обшарпанный... зато люди отличные! И порт один из самых больших в Европе... Есть на что посмотреть.

– Но Шотландия ужасно далеко, – сказала Ана. – Вы уверены, что вам так уж надо туда ехать? Неужели нельзя просто отправить в ювелирную фирму письмо с описанием ожерелья?

Старшой задумался.

– Может быть... Но там мы бы заодно разузнали, кто построил наш бот. Это тоже помогло бы делу.

– А, точно, я совсем забыла... – сказала Ана. – И ваша лодка, и подвеска родом из Глазго... едва ли это простое совпадение?

Старшой согласился. А потом обратился ко мне:

– Ну, решай, *Sailor*⁸.

Я быстро взвесила все за и против и подняла большой палец в знак одобрения. Давненько я не была в море. И посмотреть Глазго мне тоже очень хотелось.

Недели через две нам со Старшим удалось скопить немного денег на путешествие. А капитан соседней лодки у нашего причала обещал присмотреть за «Хадсон Квин», пока нас не будет. Пора было собирать мешки и отправляться в путь.

Если хотите узнать, что творится в Лиссабонском порту, поговорите с сеньором Баптиштой из кабака «Пеликану». Промозглым октябрьским вечером мы со Старшим пошли к нему, чтобы выяснить, не идет ли какое-нибудь судно из Лиссабона в Шотландию или в Англию. Мы надеялись, что нас возьмут на борт.

Сеньор Баптишта угостил меня стаканом молока, а Старшого – выпивкой. И посоветовал заглянуть на парусную баржу «Дора», которая возила штучный груз вдоль побережья.

⁸ Моряк (англ.).

– Передайте от меня привет капитану, и он наверняка до-
везет вас до Виго. А там уж кто-нибудь точно подкинёт вас
до Англии.

В тот же вечер Старшой поговорил с капитаном «Доры»,
и нас обещали взять с тем условием, что мы отработаем еду
и дорогу. «Дора» отходила через четыре дня.

Накануне отъезда была суббота. И, как в любую другую
субботу, мы пошли в «Тамаринд» послушать Анино пение
под аккомпанемент тамошнего оркестрика. Ресторан был за-
бит битком, стоял тёплый осенний вечер, и у открытых окон
на улице тоже сидели люди и слушали.

В паузе между двумя песнями синьор Фидардо достал ка-
кой-то конверт и протянул Старшому. На конверте аккурат-
ной рукой синьора Фидардо ровными печатными буквами
было выведено:

Вдове леди Килвард

12, Парк-Террас

Глазго

– Вчера я вспомнил, что в Глазго у меня, между про-
чим, есть одна знакомая, – объяснил синьор Фидардо. – Кол-
лекционер музыкальных инструментов и вдова состоятель-
ного шотландского лорда по фамилии Килвард. Леди Кил-
вард приобрела у меня для своей коллекции лютню и альт.
Но главное, что она – замечательный человек. И, полагаю,

у нее есть хорошие знакомые среди ювелиров и серебряных дел мастеров. Найдите ее и передайте мое письмо. Она наверняка сделает все возможное, чтобы вам помочь.

– Спасибо, – сказал Старшой и положил письмо во внутренний карман. – Спасибо за вашу заботу!

Ближе к полуночи мы со Старшим вернулись на «Хадсон Квин», чтобы немного поспать перед отплытием. В голове у меня до сих пор звучал Анин голос. При мысли о том, что мы еще долго не увидим наших друзей, делалось грустно.

Хотя, подумала я, если удача нам улыбнется, мы быстро найдем хозяина ожерелья. Ведь у нас есть кое-какие зацепки. Через месяц или два мы, пожалуй, уже вернемся в Лиссабон.

Вот как я тогда думала.

Но обстоятельства не всегда складываются так, как мы думаем и надеемся.

А иногда все может обернуться так, что и в страшных снах не приснится.

Часть вторая. Шетланд Джек

ЧАСТЬ ✦ ВТОРАЯ

ШЕТЛАНД ДЖЕК

14. Ромбэк и Ромбэк

До Испании мы шли чуть меньше недели. На «Доре» мне поручили следить за такелажем. Вооружившись ножом, свайкой и парусной ниткой, я целыми днями, с утра до вечера лазила по снастям и канатам. Это было веселое плавание!

В Виго мы нанялись на испанский трамповый пароход, который как раз уходил в Глазго. Он назывался «Кангас» и преодолел восемьсот семьдесят морских миль меньше чем за три дня.

Были ранние сумерки, когда мы достигли устья реки Клайд и взяли на борт лоцмана. Вокруг сгустился промозглый туман с Ирландского моря, пока «Кангас» шел вверх по течению в сторону Глазго. Мимо нас в темноте проплывали призрачные силуэты баржей и землечерпалок. В ноздри бил запах ила и угольного дыма. Лиссабон казался уже очень далеким.

Примерно к полуночи мы подошли к причалу в Принц-доке. Огни города подсвечивали низкое небо причудливым

пламенно-желтым светом.

Когда на следующий день трюмы были разгружены, мы со Старшим поблагодарили экипаж «Кангаса» и сошли на берег. Бледное осеннее солнце еле-еле угадывалось за грязно-коричневым дымом, который низко плыл над верфями, мастерскими и складами, тянувшимися вдоль бесконечных набережных. Несмолкаемый гул пронзали сигналы паровых свистков и туманных рожков. Я видела, как отчаливает вдалеке пароход компании «Энкор Лайнз», уходящий в Америку. Одновременно буксир проводил на разгрузку в один из доков полностью вооруженный виндjamмер⁹. Возможно, он привез пшеницу из Австралии. А может быть, чай из Китая.

В переулках, уходящих вверх от северного берега реки, было несколько небольших гостиниц и простеньких пансионатов. Старшой снял нам комнату на Чипсайд-стрит у милой пожилой дамы, миссис Граймз. Оставив мешки в гостинице, мы сели на двухэтажный трамвай, идущий в центр города. По улицам медленно ползли машины и автобусы с включенными дворниками. За окном мелькали серые и коричневые

⁹ Виндjamмеры – это огромные многомачтовые парусники, которые появились в конце XIX века и некоторое время пытались соперничать с пароходами. По-английски *windjammer* буквально значит «выжимающий ветер». Один из самых известных виндjamмеров – барк «Крузенштерн».

фасады каменных домов, все в грязных дождевых подтеках.

Старшой купил в киоске карту города, и мы стали искать улицу под названием Аргайл-аркейд. Если верить телефонному справочнику, здесь находилась фирма «Ромбэк и Ромбэк».

Аргайл-аркейд оказалась крытой галереей, пересекавшей целый квартал неподалеку от железнодорожного вокзала Глазго-Сентрал. Внутри галереи под стеклянной крышей теснились ювелирные магазинчики. Витрины переливались и сверкали.

Старшой открыл дверь «Ромбэк и Ромбэк ЛТД», позвонил колокольчик. Магазинчик был крошечный и тускло освещенный. Вдоль стен до самого потолка высились стеклянные шкафы, битком набитые украшениями. Казалось, ты попал в сокровищницу.

За прилавком стоял пузатенький лысый господин в шелковом шейном платке и рабочем фартуке поверх тщательно отглаженной рубашки. Увидев меня, он приподнял брови. Потом повернулся к Старшому и мягко произнес:

– Мой друг, мне бы не хотелось показаться невежливым... но могу ли я попросить вас оставить обезьяну за дверью? Будет крайне неприятно, если ей вдруг захочется ползать по моим шкафам.

– Не беспокойтесь, – сказал Старшой. – Это Салли Джонс, и она прекрасно воспитана.

В подтверждение его слов я сняла фуражку и поклонилась.

лась.

Ювелир удивленно посмотрел на меня. Потом улыбнулся и кивнул мне в ответ.

– Ну что ж, раз так... – сказал он. – Меня зовут Илай Ромбэк. Чем могу служить?

Старшой представился и объяснил суть дела. Потом достал потертый замшевый мешочек, который всю дорогу прятал под рубашкой. Илай Ромбэк положил ожерелье на прилавок и стал внимательно рассматривать жемчужины и подвеску в ювелирную лупу. А потом сказал:

– Обычно в это время мы с отцом пьем утренний чай. Не согласитесь составить нам компанию?

Илай закрыл магазинчик и провел нас по узкой лестнице вверх, в ювелирную мастерскую «Ромбэк и Ромбэк». В комнате стояло два широких рабочих стола. За одним из них сидел маленький, очень древний старик и выправлял молотком серебряную пластину.

– Это мой отец, Джошуа Ромбэк, – сказал Илай. – Пятнадцать лет назад он передал фирму мне. Он был уже в летах, стал многое забывать и путаться. А сейчас он совсем сдал. Не помнит даже, как его зовут. Но свое ремесло он, как ни странно, не забыл. Голова забыла, а руки помнят.

Старик стучал молотком и, судя по всему, не хотел отвлекаться. Илай прошел дальше, в небольшой кабинет. Он по-

дал нам чай с песочным печеньем. И мы заговорили об ожерелье.

– Подвеска без сомнения изготовлена в нашей мастерской, – сказал Илай. – Но сделал ее не я. В 1904 году меня еще здесь не было. Это работа моего отца.

– А можно узнать, кто заказал ему это украшение? – спросил Старшой. – Это здорово бы облегчило нам поиски.

Илай с сожалением покачал головой.

– Увы, – сказал он. – Архив фирмы погиб в пожаре почти десять лет назад. Все старые ордерные книги сгорели.

Мы посидели молча.

– Как же нам хоть что-нибудь выяснить? – спросил Старшой. – Может, показать ожерелье вашему отцу?

– Боюсь, это бесполезно, – ответил Илай. – Отец живет в своем собственном мире. Но, если хотите, конечно, попробуйте.

Старшой задал еще несколько вопросов, но Илай не знал больше ничего, кроме того, что уже нам рассказал. Допив чай, мы встали и собрались уходить. Джошуа перестал стучать молотком и неподвижно сидел, глядя перед собой застывшим взглядом.

Илай склонился над стариком. Ни одна черта лица Джошуа, ни малейшее движение не говорили о том, что он осознает присутствие сына. Илай обратился к отцу спокойным голосом, пытаясь одновременно привлечь его внимание к ожерелью. Но все напрасно.

Через минуту Илай махнул рукой и встал.

– Увы, как я и думал, – сказал он, сочувственно пожав плечами.

– Все равно, спасибо вам, – сказал Старшой.

Но тут мне в голову пришла одна мысль. Что там Илай говорил о памяти Джошуа?

Голова забыла, а руки помнят...

Я жестом попросила у него ожерелье. Илай протянул его мне. Я осторожно положила жемчуг в скрюченные руки старца, бессильно покоившиеся на коленях.

Сперва ничего не происходило.

Потом слабо дрогнул большой палец. И следом, один за другим, зашевелились другие пальцы. Медленные, дрожащие, они ощупывали блестящие жемчужины и наконец, добрались до розы.

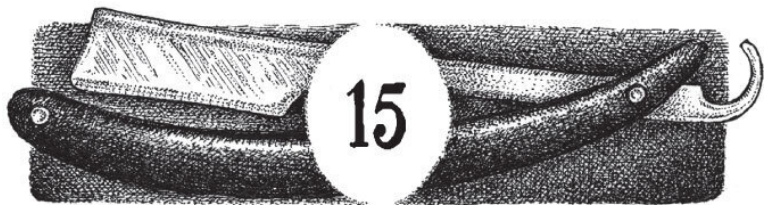
Лицо старика по-прежнему ничего не выражало. Но вдруг белые кустистые брови сдвинулись.

– Я сделал прекрасную работу! – В его слабом, сиплом голосе звучало негодование. – Первокласную работу, сэръ! А вы... вы ведете себя... вы нехороший человек! Нехороший...

Я наклонилась ближе. Джошуа замолчал, снова уставясь перед собой пустым взглядом. Потом покачал головой и тихо добавил:

– Ли Цзинь... а ведь ты предупреждала меня...

15. Фарфоровая девушка

Илай не знал, что хотел сказать отец. Он попытался осторожно разговорить старика, но тот как будто не видел его и не слышал.

– Это имя... Ли Цзинь, – начал Старшой. – Вы слышали его раньше?

– Нет, никогда, – ответил Илай. – Похоже на китайское... Лицо его стало задумчиво.

– Когда-то в порту была фирма, торговавшая перламутром и полудрагоценными камнями из Китая и Юго-Восточной Азии. «Шанхай Импорт»... или что-то в этом роде. Кажется, отец сотрудничал с этими ребятами. Их контора располагалась где-то в Говане, на набережной. Но я уже много, много лет о них ничего не слышал.

– Думаете, Ли Цзинь могла работать в этой фирме?

Илай пожал плечами.

– Не имею ни малейшего представления, к сожалению... – ответил он.

Мы простились с Илаем Ромбэком, поблагодарив его за помощь. Дождь прекратился. Город теперь как будто накрыли крышкой густого липкого тумана.

Я размышляла, что же нам делать дальше, Старшой, очевидно, тоже.

– Ну что? – спросил он. – Попробуем разыскать «Шанхай Импорт»?

Я кивнула. Пока есть хоть какой-то след, надо идти вперед.

Мы проехали на метро под рекой и вышли на станции «Гован-кросс». Жизнь здесь была ключом. На широкой улице теснились трамваи, грузовые фургоны и телеги с лошадьми. Дворники едва поспевали убирать навоз с мостовой, а уличные торговцы песнями зазывали прохожих покупать у них мыло и шнурки для обуви. На перекрестке несколько молодых пар отплясывали под одинокую губную гармошку, вокруг стояли люди и хлопали в такт.

– В Глазго все умеют танцевать, – сказал Старшой. – Танцевать и драться – в этом им нет равных!

Мы пошли на восток вдоль череды мрачных домов из серого песчаника. Здесь, наверно, живут рабочие с верфей и их семьи, подумала я. На другой стороне улицы были мастерские по литью свинца, склады пиломатериалов и угля. Воздух был вязкий от фабричного дыма, илистых испарений

с реки и запахов дегтя и сурика с корабельных верфей.

Старшой спрашивал всех, кто встречался нам на пути, не слышали ли они о женщине по имени Ли Цзинь или о фирме «Шанхай Импорт». Люди участливо останавливались. Иногда вокруг нас собиралась небольшая толпа, и все наперебой обсуждали, какие фирмы раньше располагались здесь в порту. Но про «Шанхай Импорт» вспомнить так никто и не смог. Имя Ли Цзинь тоже никому не ничего не говорило.

Вскоре мы подошли к трем широким мостам, перекинутым через Клайд в центре города. Неподалеку от первого моста у бильярдной толпилась большая шумная компания молодых парней. Одни явно искали, с кем бы подраться. Другие проворачивали какие-то темные делишки в полумраке подворотни. Прохожие старались обходить их стороной.

Среди этих задир на составленных друг на друга деревянных ящиках сидела молодая женщина. Маленькая, хрупкая, с большими голубыми глазами на бледном лице. Из-под белого пальто на меху торчала широкая юбка с воланами. Девушка напоминала фарфоровую куколку, какую можно увидеть в витрине игрушечных магазинов. Когда мы со Старшим проходили мимо по другой стороне улицы, я заметила, что она пристально смотрит на нас.

Мы прошли еще метров двадцать и вдруг услышали за спиной тонкий, почти детский голос:

– Эй, мистер! Стой!

Мы одновременно обернулись. Это была она, фарфоровая девушка.

Ткнув в меня пальцем и серьезно поглядев на Старшего, она сказала:

– Хочу твою обезьяну. Она миленькая. Отдай ее мне.

Старшой приподнял брови. Потом рассмеялся и сказал:

– Это невозможно.

– Почему? – удивилась девушка.

– Потому что обезьяна не моя. Ее зовут Салли Джонс.

И она принадлежит сама себе.

Большие голубые глаза девушки сузились.

– С этой минуты я решаю, как ее звать, – прошипела она сквозь зубы. – Скажи, чтобы шла ко мне! Ко мне!

– Сожалею, мой друг, ничего не выйдет, – сказал Старшой и добродушно покачал головой, а потом кивнул мне, что пора, мол, идти.

Девушка перегородила нам дорогу. Она взмахнула рукой, как будто вытряхивая что-то из рукава. И в следующий миг с щелчком раскрыла лезвие большой опасной бритвы.

– Либо обезьяна идет со мной... – сказала она, поднеся бритву к лицу Старшого. – Либо я отбрею тебе нос и уши!

Старшой изумленно посмотрел на девчонку. Но тут к нам подошел парень из толпы с противоположной стороны.

– Полиция! – Парень кивнул на двух констеблей, которые прогуливались по тротуару чуть поодаль.

Девушка тихо выругалась и сложила бритву. Потом

неохотно вернулась с молодым человеком к остальной компании. На полпути она обернулась, глядя на меня своими большими голубыми глазами. Меня передернуло.

– Все в порядке? – спросил один из констеблей, поравнявшись с нами.

– Да, – выдохнув, ответил Старшой. – Но если бы не вы, мы бы так легко не отделались.

Полицейские мрачно поглядели на хулиганов.

– Они называют себя «Кингстон Кингс» – «Короли Кингстона». Одна из самых опасных банд на этом берегу. Держитесь от них подальше, если сможете.

– Ясно, – сказал Старшой. – Постараемся.

Перейдя на тот берег, мы пошли дальше без какой-либо особой цели, кроме как найти паб и пообедать. Вскоре мы оказались у большого крытого рынка «Бриджгейт Фишмаркет». Старшой, судя по всему, бывал здесь раньше. Он широко улыбнулся и сказал:

– Давай заглянем? Тебе понравится!

Я, конечно, удивилась: чего такого уж интересного может быть на рыбном рынке? Но едва мы вошли в высокие двери, я все поняла.

Если ты матрос, то неизбежно слышишь всякую брань. За те годы, что я провела в море, я выучила немало ругательств. Но пока мы со Старшим толкались по шумным рыночным

рядом, я узнала как минимум столько же. И каких!

– Да, ругаются они знатно! Шотландские торговцы рыбой – мастера по этой части, – сказал Старшой с восхищением в голосе.

Трудно было с ним не согласиться.

Рядом с рынком был маленький уютный паб. Старшой заказал себе порцию жареной пикши, я – вареную цветную капусту. А потом мы пешком вернулись в пансион. Ноги ныли после целого дня ходьбы.

– Подождите! – крикнула миссис Граймз, когда мы проходили мимо дверей ее маленькой конторы. – У меня для вас кое-что есть!

Хозяйка тяжело поднялась со старого кресла со свалывшейся обивкой и протянула Старшому конверт. На нем печатными буквами были написаны наши имена.

– От кого это письмо? – удивился Старшой.

– Понятия не имею, друг мой, – сказала миссис Граймз.

– Кто его принес?

Миссис Граймз явно было немного стыдно.

– Я, видно, задремала. Уж такое оно удобное, это мое кресло... А когда проснулась, на столе лежал конверт.

Старшой сочувственно улыбнулся и вскрыл конверт карманным ножом. Внутри была простая белая карточка. Старшой прочел ее и с удивленным видом передал мне.

Дрожащей рукой пожилого человека на карточке было написано:

Каледонская железная дорога, отправление в 18:15.

Глазго-Сентрал, путь 14.

5, Альберт-роуд, Гурок.

Ли Цзинь ждет вас.

16. Ли Цзинь

Уже смеркалось, когда мы вышли из поезда в маленьком приморском городке Гурок. Возле станции какой-то человек зажигал фонари. Он объяснил нам, как пройти на Альберт-роуд. Подняв воротники, мы зашагали на юг вдоль побережья. Миновали мол, где стоял статный колесный пароход, готовый отчалить к деревушкам на той стороне пролива. Из обеих труб валил и тут же развеивался, подхваченный суровым западным ветром, густой черный дым.

Быстро наступила ночь. Все было так увлекательно, что просто дух захватывало. *Кто же такая эта Ли Цзинь?* И как она узнала, что мы ее ищем?

Мы подошли к дому номер пять по Альберт-роуд, насквозь мокрые от пены и брызг, летевших с моря. В окнах горел теплый свет. Старшой постучал, и широкая розовощекая женщина открыла нам дверь. Она как будто даже не удивилась, что в темноте перед ней стоит большая обезьяна.

– Входите, – приветливо сказала она. – Ради всего святого,

входите. Я миссис Брентвуд, экономка Ли Цзинь. Позвольте предложить вам полотенца... ой-ой-ой, ну и погода...

Мы вытерлись, и миссис Брентвуд проводила нас наверх, на второй этаж, и дальше, через комнату, где стояли стеллажи с книгами, диван и небольшой письменный стол.

Распахнутые двойные двери вели на застекленную веранду, увитую зеленью. Буйную растительность освещала простая лампа с абажуром из рисовой бумаги, свисавшая с пальмовой ветви. Под лампой стоял стол, на нем три чашки и тарелка с печеньем. За столом сидела маленькая древняя старушка в инвалидном кресле.

– Садитесь, – сказала она, ласково щурясь на нас сквозь толстые очки. – Я Ли Цзинь. А вы – Генри Коскела и Салли Джонс. Я о вас много слышала. Дело в том, что я всю жизнь прожила в разных портах мира.

Пока миссис Брентвуд разливала чай, мы со Старшим глазели по сторонам. При дневном освещении отсюда, должно быть, открывался чудесный вид на пролив. Правда, сейчас разглядеть что-либо через мокрые от дождя стекла было невозможно.

– Уютно тут у вас, – сказал Старшой. Дом ему явно понравился.

Мне тоже. Казалось, будто мы сидим на дереве. Большие попугаи и маленькие волнистые попугайчики уже устроились на ночь и затихли в густой листве под крышей веранды.

Ли Цзинь улыбнулась, и ее глаза за линзами очков пре-

вратились в узкие щелочки.

– Спасибо, – сказала она. – Мне здесь хорошо. Миссис Брентвуд помогает по дому, а если что-то нужно из Глазго, я звоню своему старому другу мистеру Чэну. Он держит в Говане китайский дом для моряков. Он-то и рассказал мне, что в порту ходил моряк с большой обезьяной и разыскивал Ли Цзинь. Мне, конечно, стало любопытно, и я попросила его узнать, где вы живете, и передать вам приглашение. И вот вы здесь. Чем же я могу вам помочь?

Вместо ответа Старшой достал замшевый мешочек, открыл его и выложил ожерелье на стол. Старушка наклонилась поближе. Ее глаза расширились. Она осторожно приподняла подвеску в форме розы и внимательно осмотрела ее.

– Вот уж не думала, что когда-нибудь снова увижу это ожерелье, – тихо проговорила она.

Потом поглядела на Старшого, и в ее взгляде скользнуло что-то колкое.

– Откуда оно у вас?

– Мы его нашли. Оно было спрятано на нашей лодке.

– На вашей лодке?.. Как называется ваша лодка?

– «Хадсон Квин», – ответил Старшой.

Ли Цзинь недоуменно сдвинула брови.

– Это название мне не знакомо... опишите мне ее. Что это за судно?

– Это «клайд-паффер», – сказал Старшой.

Старушка откинулась на спинку кресла. А потом спроси-

ла:

– Как вы узнали про меня?

Старшой рассказал о визите в «Ромбэк и Ромбэк».

– Значит, Джошуа еще жив... – с грустью в голосе сказала Ли Цзинь. – Последний раз мы виделись много, много лет назад. – Она ненадолго погрузилась в воспоминания. А потом продолжила: – И вы, конечно, хотите знать, кто спрятал ожерелье на вашей лодке.

Мы кивнули.

– Это сделал Шетланд Джек, – сказала Ли Цзинь.

Мы переглянулись. Ни я, ни Старшой никогда не слышали это имя. Мы ждали, что Ли Цзинь продолжит свой рассказ. Но она молчала. Сидела неподвижно, бесстрастно глядя перед собой. Морщинистое лицо подрагивало, как будто ее мысли снова были где-то далеко.

– Шетланд Джек... – осторожно напомнил Старшой. – Кто это? Он жив?

– А? Что?... – очнулась Ли Цзинь. – Жив ли Джек? Может быть... может быть, и нет... Его исчезновение – все это было так странно... Эта кровь....

Мы вопросительно посмотрели на нее.

– Ах, простите меня, – сказала она. – Мне, конечно же, следует начать с начала.

Из кармашка инвалидного кресла Ли Цзинь достала длинную глиняную трубку и кисет. Забив в трубку черный табак, она подошла к ней и раскурила.

И когда голубые струйки дыма потянулись вверх, рассеиваясь в листве над нашими головами, Ли Цзинь начала рассказывать историю о человеке, которого звали Шетланд Джек.

17. Остров Терсди

– Впервые я повстречала Джека почти сорок лет назад, – сказала Ли Цзинь. – Я тогда работала коммивояжером в одной шанхайской фирме. Они отправили меня в Австралию за перламутром, и так я попала на Терсди... Возможно, вы слышали об этом острове?

– Да, – ответил Старшой. – Это австралийский порт, где добывают жемчуг и перламутр, верно?

– Верно, – сказала Ли Цзинь и продолжила: – В то время почти все суда, которые ходили за перламутром и жемчугом, швартовались на Терсди. Как только позволяла погода, вся флотилия снималась с якоря и отправлялась на сбор жемчужных раковин. Сотни раздутых белых парусов выходили в Тихий океан, танцуя на сверкающих солнцем волнах... это было зрелище! А когда они возвращались, с трюмами, полными перламутра, их в порту поджидали скупщики. Торги и ругань звучали на всех языках мира.

Ли Цзинь улыбнулась своим воспоминаниям.

— А что вы знаете о добыче жемчужных раковин, мистер Коскела? — спросила она. — Вы сами никогда не ныряли за жемчугом?

— Нет, — сказал Старшой. — Но я слышал, это опасная работа.

— Так и есть, так и есть... — отозвалась Ли Цзинь. — С ныряльщиками часто случались несчастья. Когда рыбаки приходили в порт после шторма, какой-нибудь лодки всегда недосчитывались. Искать тех, кто мог уцелеть, было бессмысленно. Их тут же съедали акулы.

Ли Цзинь несколько раз пыхнула дымом и сказала:

— На Терсди абы кто не совался. Это были сплошь бывалые моряки, искатели счастья, готовые ради богатства поставить на кон свою жизнь. Ловить устриц и продавать перламутр — дело неприбыльное, большого состояния на этом не сделаешь. Но если вскрыть много раковин, рано или поздно найдешь жемчужину. И если она окажется без изъянов, да еще крупная, то, считай, удача улыбнулась тебе. Все на Терсди мечтали о жемчуге. Но никто не был им так одержим, как Шетланд Джек...

Ли Цзинь взглянула на чайку, парившую в темноте за окном. Потом снова повернулась к нам и продолжила рассказ:

— Я прожила на Терсди примерно два года, когда услышала о шотландском рыбаке, только что прибывшем на остров. Его звали Джек Шо. Акцент выдавал в нем выходца с Шет-

ландских островов, за что его прозвали Шетланд Джек.

Он был тихий одиночка и не искал себе друзей. Поэтому люди много судачили о нем за его спиной. Говорили, что он приехал из деревни Скалловей на западе Шетландов, где был помолвлен с девушкой по имени Мэри Хендерсон. И что Мэри ждала ребенка, и все в деревне думали, что Джек проявит ответственность и женится. Но Джек нанялся на парусное судно и уплыл в Австралию. Становиться отцом семейства он не собирался. Он больше хотел разбогатеть.

И хотя хорошим человеком на Терсди его не считали, моряк он был от бога. Всего через две недели он получил должность штурмана на рыбацкой шхуне «Оэйла», добывавшей перламутр. Вскоре после этого «Оэйла» попала в ночной шторм в Яванском море. Капитан, датчанин Лауридсен, утонул вместе с тремя другими членами экипажа. Уцелел один только Джек. Потеряв балласт и бизань-мачту, он в одиночку привел «Оэйлу» на Терсди.

Ли Цзинь закашлялась и отложила трубку. А потом продолжила:

– Через несколько недель капитана Лауридсена объявили погибшим. И в тот же вечер к его вдове явился Шетланд Джек. Он хотел купить «Оэйлу». Бедная женщина ничего не смыслила в делах и в лодках. Горе едва не лишило ее рассудка. Этим и воспользовался Джек. Он убедил ее подписать договор, по которому «Оэйла» за сущие гроши отходила к нему.

– Нехорошо, – мрачно проговорил Старшой.

– Да, – хмыкнула Ли Цзинь, – еще как плохо. Многие на острове гадали, уж не бросил ли он капитана Лауридсена за борт, чтобы потом за бесценок купить «Оэйлу». Но что-либо доказать было невозможно. А Джек плевал на сплетни и домыслы.

Ли Цзинь запахнула кофту.

– А теперь давайте выпьем еще чаю, чтобы согреться. Не мог бы кто-то из вас поставить чайник на кухне? А заодно принести мне плед.

Вскоре чайник стоял на столе, Ли Цзинь укрыла колени пледом. Выл ветер, дождь колотил по стеклам. Ли Цзинь положила в кипяток несколько чайных листков и продолжила свой рассказ:

– Так Джек сделался капитаном «Оэйлы». Со временем он стал уходить все дальше, выискивая новые, неизведанные устричные отмели. «Оэйла» неделями пропадала среди диких островов между Сулавеси и Новой Гвинеей. Частенько думали, что Джек погиб во время тайфуна или убит воинственными аборигенами. Но он всегда возвращался и привозил полный трюм радужного перламутра и одну-две жемчужины превосходного качества. Перламутр продавал, а жемчужины оставлял себе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.